

Глава 2

КАК СОЗДАВАЛСЯ ИМЭМО

Начало «оттепели»

Наступившую в СССР после смерти Сталина «оттепель»¹ принято связывать с именем Н.С. Хрущева, развенчавшего на XX съезде КПСС (1956) «культ личности» покойного диктатора. В действительности, начало «оттепели» можно датировать не февралем 1956 г., когда состоялся XX съезд, а весной 1953-го. И связано это не с Хрущевым, а с двумя другими «верными соратниками» Сталина — Л.П. Берией и Г.М. Маленковым. В то время как большинство членов Президиума ЦК КПСС более или менее искренне оплакивали «вождя и учителя», Берия и Маленков, захватившие ключевые позиции в партии и государстве, начали если не демонтаж сталинского режима, то во всяком случае его либерализацию. Обратимся к фактам.

17 марта 1953 г. Л.П. Берия, занявший пост Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР (Г.М. Маленкова) и министра МВД, санкционирует арест известного садиста-антисемита М.Д. Рюмина, бывшего заместителя министра МГБ, организовавшего «дело врачей» и ряд других сфабрикованных по указанию Сталина дел. Созданная Берией следственная группа МВД приступает к пересмотру ряда особо важных дел — «дела авиаторов» (1946), «дела Еврейского антифашистского комитета» (1948—1952), «заговора в МГБ» (1951), «дела артиллеристов» (1952), «мингрельского дела» (1951—1952), «дела врачей» (1951—1953). Уже к июню 1953 г. основные фигуранты, проходившие по этим делам, были признаны невиновными, а сами дела — сфабрикованными, причем, как подчеркивал Берия, по личному указанию Сталина. Как гром среди ясного неба прозвучало заявление Берии, сделанное, правда, в узком кругу «соратников», о том, что всемирно известный театральный режиссер и актер С.М. Михозэс в 1948 г. был убит в Минске по приказу Сталина, начавшего широкомасштабную антисемитскую кампанию.

¹ Появление этого понятия, характеризующего состояние советского общества в первое послесталинское десятилетие, связано с публикацией в майском номере журнала «Знамя» за 1954 г. повести Ильи Эренбурга «Оттепель», название которой стало символом процесса десталинизации.

27 марта. По инициативе Берии Президиум Верховного Совета СССР издаст указ об амнистии, по которому на свободу вышло около миллиона человек, осужденных на срок до пяти лет (более трети всех советских заключенных).

4 апреля. Приказом по МВД запрещено применение к арестованным «мер физического воздействия»; приказано также ликвидировать в Лефортовской и Внутренней (на Лубянке) тюрьмах помещения для пыток и уничтожить «все орудия, посредством которых осуществлялись пытки».

9 мая. По предложению Берии Президиум ЦК КПСС принимает постановление, запрещающее впредь оформлять портретами советских вождей колонны демонстрантов, здания и другие постройки в дни государственных праздников. Это постановление будет отменено сразу же после ареста Берии.

2 июня. Берия инициирует принятие закрытого решения Президиума ЦК КПСС «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР», которое обязывает В. Пика и В. Ульбрихта, виновных в обострении обстановки в Восточной Германии, пересмотреть прежний политический курс. Берия считал нецелесообразным для интересов СССР строительство социализма в ГДР и выступал за объединение Германии в рамках единого нейтрального государства. 29 июня 1953 г., на третий день после ареста Берии, Президиум ЦК КПСС отменит свое прежнее решение от 2 июня по германскому вопросу.

Еще до ареста развернувшего бурную активность Берии, вызывавшего растущие опасения у других членов Президиума ЦК, «соратникам» удалось блокировать целый ряд довольно смелых инициатив хозяина Лубянки: прекращение бессмысленных и разорительных для бюджета «великих строек социализма» с использованием труда сотен тысяч заключенных; постепенная ликвидация ГУЛАГа с передачей его из МВД в ведение Министерства юстиции СССР; ограничение прав т.н. Особого совещания при МВД с последующим упразднением этого неконституционного органа; отмена указа от 21 февраля 1948 г. о бессрочной ссылке «особо опасных государственных преступников»; более гибкая политика в отношении союзных и автономных республик, управлять которыми должны не московские назначенцы, а местные выдвиженцы из национальных кадров; признание ошибочной сталинской политики в отношении Югославии, т.е. примирение с Тито и т.д.¹

«Феномен Л.П. Берии в истории СССР еще нуждается в специальном исследовании, — отмечает весьма осведомленный историк Р.Г. Пихоя, имевший, как руководитель Архивной службы России в первые постсоветские годы, уникальную возможность ознакомиться с самыми секретными архивами коммунистического режима. — Он был для отечественных историков долгие годы — вплоть до начала 90-х гг. — фигурой «табуированной». <...> Для либеральной интеллигенции Берия был воплощением репрессий, неотъемлемой частью культа личности, коварным негодяем. Партийная пропаганда поддерживала эти оценки...

¹ См. подробно: Кокурин А.И., Пожаров А.И. «Новый курс» Л.П. Берии // Исторический архив. 1996. № 4. С. 152 — 156; Старков Б. Сто дней «лубянского маршала» // Источник. 1993. № 4. С. 82 — 90; «Следствие прибегло к извращенным приемам» // Источник. 1993. № 4. С. 91 — 100.

Все эти оценки весьма далеки от реальности, — утверждает Р.Г. Пихоя. — <...> Констатируем очевидное, хотя и нежелательное для нескольких поколений отечественных и иностранных исследователей истории КПСС: моральные принципы Берия были не выше и не ниже, чем у его товарищей по партийному руководству.

Берия отличался от своих коллег другим. Он был, несомненно, наиболее информированным человеком в составе тогдашнего руководства, причем его информация была разнообразна, точна и независима от других ведомств. Его информация как заместителя Председателя Совета Министров СССР касалась экономики страны, отдельных ее отраслей, в частности цены «великих строек социализма»; в качестве руководителя разведки Берия был в курсе многих вопросов политики и международных отношений, реальных проблем, возникавших между СССР и другими странами.

Берия непосредственно отвечал за разработку ядерного оружия, а это связывало его с армией, с созданием новых видов вооружений и с теми изменениями, которые должны были произойти в Вооруженных Силах в связи с появлением ракетно-ядерного оружия.

Он имел наиболее достоверную информацию о внутривластной обстановке в стране, о настроениях людей, о всех сколько-нибудь заметных выражениях протеста. <...>

Многочисленные проблемы, накапливавшиеся в послевоенный период, требовали решения. Страна не могла содержать армию по нормам военного времени, иметь 2,5 млн. заключенных, тратить деньги на «великие стройки», по-прежнему эксплуатировать крестьянство, «драть с него три шкуры сразу», нагнетать конфликты по всему миру, создавать даже из своих недавних союзников новых врагов, как это случилось с Югославией. Рисковали стать взрывоопасными отношения со «странами социалистического лагеря». Нестабильность правящего номенклатурного слоя, угрозы репрессий ухудшали управляемость государства. Реформы становились неизбежными.

Берия стал первым, кто сознательно решился на их осуществление. Неожиданно и сильно проявилось его вмешательство как Первого заместителя Председателя Совмина СССР в те области государственной жизни, которые, казалось, не входили непосредственно в его компетенцию. Позднее эти разногласия восторжествуют, когда критиковать его станет вполне безопасно, на Пленуме ЦК КПСС 2—7 июля 1953 г., где рассматривался вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия»¹.

Неотложная потребность реформ по-разному, но тем не менее, осознавалась и некоторыми другими членами высшего советского руководства — Г.М. Маленковым, А.И. Микояном, Н.С. Хрущевым...

Еще при жизни Сталина Анастас Микоян осмелился выступить против планировавшегося вождем нового повышения и без того непомерного сельхозналога на крестьян, мотивируя свою позицию ужасающей послевоенной разрухой колхозной деревни. За это (и не только за это) он подвергся грубым

¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти 1945—1991. Новосибирск. 2000. С. 96—97.

нападкам со стороны Сталина на пленуме ЦК, состоявшемся 16 октября 1952 г. по окончании XIX съезда КПСС, когда Микоян не был включен в состав Бюро Президиума ЦК, где оказались только «верные из верных»: Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Сабуров и Хрущев.

Но даже среди последних росло понимание того, что советская экономика находится в стагнации, что потенциал трудового энтузиазма у обескровленного войной народа не беспределен, что сталинская политика разжигания холодной войны чревата всемирной атомной катастрофой.

После устранения Берии, на которого вчерашние соратники поспешили навешать все мыслимые и немыслимые преступления, в том числе и собственные, эстафету реформатора попытался перехватить глава тогдашнего правительства СССР Георгий Маленков.

Свое восхождение на освободившийся сталинский «трон» Маленков ознаменовал снижением (с 1 апреля 1953 г.) цен на широкий перечень товаров повседневного спроса. Он недвусмысленно давал понять, что страной теперь будет управлять государственный, а не партийный аппарат. Ту же самую линию пытался проводить и его недавний незадачливый союзник — Берия, от которого Маленков вовремя успел дистанцироваться.

На упоминавшемся июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС, где разбиралось «дело» поверженного Берии, Маленков, почувствовавший себя хозяином положения, неожиданно для подавляющего большинства присутствующих заговорил о культе личности Сталина, его негативных проявлениях и последствиях. «В нашей пропаганде, — заявил Маленков, считавшийся после смерти Сталина его естественным преемником, — за последние годы имело место отступление от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории. <...> Вы должны знать, товарищи, что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовала. Мы не имеем права скрывать от вас, — продолжал Маленков, — что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной. <...>

Пленум должен знать, и нам никто не дал права скрывать от нашего высшего между съездами партии органа партийного руководства тот факт, что уродливое проявление культа личности и уничтожение методов коллективности в работе Политбюро и ЦК, отсутствие критики и самокритики в Политбюро и в ЦК повлекли за собой ряд ошибок в руководстве партией и страной»¹.

Маленков не ограничился общими фразами, приведя ряд примеров в доказательство негативных проявлений культа личности Сталина. Он напомнил о «политической дискредитации» Сталиным Молотова и Микояна на февральском (1952) пленуме ЦК, осудил решение Сталина увеличить в 1953 г. на 40 млрд. рублей налоги на разоренную войной деревню, подверг критике сталинский план строительства Туркменского канала, наконец, осмелился усом-

¹ Известия ЦК КПСС, 1991, № 2. С. 195.

ниться в бесспорности положений последнего «гениального труда» усопшего вождя — его работы «Экономические проблемы социализма в СССР»¹. Правда, Маленков ни словом не обмолвился о преступлениях Сталина, к которым был непосредственно причастен.

Тем не менее это было первое, сделанное в узком кругу членов и кандидатов в члены ЦК, в подавляющем большинстве совпартработников из республик и областей СССР, посягательство на доселе незыблемый в партии авторитет покойного «вождя и учителя». В этом смысле и можно, наверное, говорить о том, что именно Маленков инициировал процесс развенчания Сталина, продолженный Хрущевым через два с половиной года на XX съезде КПСС.

Месяц спустя, в августе 1953 г., на сессии Верховного Совета СССР Маленков объявил о снижении налогов с крестьян, что годом ранее предлагал Микоян, грубо одернутый тогда вождем. А в 1954 г. глава правительства впервые поставил под сомнение основополагающий сталинский постулат в области экономической политики: Маленков предложил ускорить развитие легкой промышленности, выпускающей потребительские товары для населения, и сократить расходы на тяжелую, в значительной степени ориентированную на оборону.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г., инициированным еще Берией, было упразднено Особое совещание при МВД СССР, созданное 5 ноября 1934 г. для ускоренного внесудебного рассмотрения уголовных дел, попадавших под статью 58-ю УК РСФСР («контрреволюционная деятельность»). Берия же в это время томился в тюремном подвале в ожидании своей участи.

Без внимания преемника Сталина не остались и вопросы внешней политики, за которые в Президиуме ЦК формально отвечал В.М. Молотов, вернувший себе 5 марта 1953 г. пост министра иностранных дел и одновременно ставший одним из четырех заместителей главы правительства. Несмотря на сопротивление этого убежденного сталиниста, получившего в международных кругах прозвище «Мистер Нет»², началась осторожная ревизия и внешнеполитического наследия сталинизма.

16 марта 1953 г. Маленков призывает Запад к поиску путей мирного разрешения спорных вопросов. «В настоящее время, — заявляет глава советского правительства, — нет таких запутанных или нерешенных вопросов, которые нельзя было бы решить мирными средствами на базе взаимной договоренности заинтересованных стран. Это касается наших отношений со всеми государствами, включая Соединенные Штаты Америки», — подчеркнул Маленков³.

¹ Известия ЦК КПСС, 1991, № 2. С. 196.

² Этот эпитет впоследствии унаследует А.А. Громыко, ученик и последователь Молотова.

³ Цит. по: Млечин Леонид. МИД. Министры иностранных дел: романтики и циники. М., 2001. С. 290.

15 июля 1953 г. Правительство СССР выступает с заявлением о желании восстановить дипломатические отношения с Израилем, разорванные Сталиным в феврале 1953 г., в разгар «дела врачей» В декабре того же года в Москве и Тель-Авиве возобновили свою деятельность дипломатические миссии двух стран. В июне 1954 г. эти миссии будут преобразованы в посольства.

Главной проблемой, крайне осложнявшей в то время международные отношения, была война в Корее, развязанная осенью 1950 г. северокорейскими коммунистами с благословения Сталина, считавшего эту войну прелюдией к решающему столкновению с «американским империализмом». Сигнал к диалогу, поданный из Москвы, был правильно воспринят в Вашингтоне, оказавшем соответствующее давление на Сеул. Что касается Пхеньяна, то Ким Ир Сену недвусмысленно дали понять, что «старший брат» хотел бы скорейшего восстановления мира на Корейском полуострове.

27 июля 1953 г. В Пханмунджоне подписано перемирие, положившее конец военным действиям в Корее. Достигнута договоренность о создании демилитаризованной зоны по обе стороны от демаркационной линии вдоль 38-й параллели.

5 августа 1953 г. Выступая на сессии Верховного Совета СССР, Маленков призвал Запад к снижению уровня военного противостояния и впервые употребил слово «разрядка» применительно к отношениям между Востоком и Западом.

25 января — 18 февраля 1954 г. В Берлине проходит Совещание министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции по вопросам ослабления международной напряженности.

12 марта 1954 г. Выступая перед избирателями накануне выборов в Верховный Совет СССР, Маленков говорит о необходимости дальнейшего ослабления международной напряженности, решительно высказавшись против продолжения политики холодной войны, «ибо, — как он подчеркнул, — эта политика есть политика подготовки новой мировой бойни, которая при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации»¹.

21 апреля 1954 г. Советский посол в Лондоне Я.А. Малик по поручению правительства СССР подписывает Устав ООН по вопросам просвещения, науки и культуры (ЮНЕСКО). СССР, таким образом, становится членом ЮНЕСКО.

26 апреля 1954 г. Советский Союз вступает в Международную организацию труда (МОТ).

21 июля 1954 г. На Женевском совещании министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции достигнуто соглашение о прекращении колониальной войны в Индокитае, продолжавшейся с 1946 г.

24 июля 1954 г. Правительство СССР направило ноту правительствам США, Великобритании и Франции по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе.

6 ноября 1954 г. Выступая на заседании по случаю 37-й годовщины Октябрьской революции, Первый заместитель Председателя Совета Министров

¹ Цит. по: Пихоя Р.Г. Указ соч. С. 116.

СССР М.С. Сабуров заявляет: «Борьба за мир и международную безопасность была и остается основой внешней политики Советского правительства»¹.

Пока Маленков, уверовавший в прочность своих позиций, пытался выстраивать новую внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза, его главный соперник в борьбе за власть, Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев, опираясь на своих сторонников в Президиуме ЦК и на искусственный в интригах партаппарат, готовил отстранение главы правительства, что ему и удалось осуществить в начале 1955 г.

На январском пленуме ЦК КПСС Хрущев обвинил Маленкова в некомпетентности и идеологической незрелости, припомнив главе правительства его заявления в пользу преимущественного развития легкой промышленности в ущерб тяжелой, а также «теоретически ошибочное и политически вредное утверждение о возможности «гибели мировой цивилизации» в случае, если империалистами будет развязана третья мировая война». Как заявил Хрущев, «распространение подобных взглядов не только не способствует мобилизации общественного мнения на активную борьбу против преступных замыслов империалистов развязать атомную войну, но, наоборот, способно породить настроения безнадежности...». В довершении всего Хрущев обвинил Маленкова в сотрудничестве с давно расстрелянным Берией, что произвело большое впечатление на рядовых членов ЦК. Маленков пытался было оправдываться, но делал это весьма неубедительно, что и предрешило его судьбу².

На сессии Верховного Совета СССР, собравшейся вскоре после январского пленума ЦК КПСС, Маленков был снят с должности Председателя Совета Министров СССР, уступив это место Н.А. Булганину, тогдашнему союзнику Хрущева. Реальная же власть в стране все больше сосредоточивалась в руках Первого секретаря ЦК КПСС, опиравшегося на разветвленный и мощный партийный аппарат. Соответственно снижалось политическое влияние главы правительства — до той недалекой поры, когда Хрущев объединит в одном лице обе эти высшие руководящие функции.

Итак, незадачливый реформатор Маленков потерпел поражение в борьбе за власть, но и при Хрущеве реформирование окостеневшей сталинской системы не было остановлено; оно получило дальнейшее развитие в соответствии с представлениями Первого секретаря ЦК КПСС, который безусловно признавал необходимость перемен. Однако низкий культурно-интеллектуальный уровень Хрущева, безнадежно отягощенного наследием сталинизма, не позволит ему найти адекватные ответы на вызовы времени. Вся его реформаторская деятельность будет носить бессистемный, беспорядочно-импульсивный характер. Сводя личные счеты со Сталиным, Хрущев так и не сможет выйти за рамки сталинизма, в которых он сформировался как политик; он лишь расширит эти рамки.

Преодолев сопротивление Молотова, Хрущев настоял на выводе советских войск из Австрии, где они находились с 1945 г. 15 мая 1955 г. представители

¹ Правда, 7.11.1954.

² Известия ЦК КПСС, 1990, № 7. С. 82 — 135.

СССР, США, Англии и Франции подписали в Вене Государственный договор с Австрией, предусматривающий восстановление Австрии как независимого и демократического государства. Следует заметить, что переговоры по этому вопросу велись с 1949 г., но достижение договоренностей в течение пяти лет блокировалось сталинской дипломатией — сначала Вышинским, а затем «мистером Нет», т.е. Молотовым.

С 15 по 19 мая в Москве находилась французская правительственная делегация во главе с Председателем Совета Министров Франции Ги Молле.

А 27 мая того же года Хрущев в сопровождении Булганина и Микояна отправился с визитом примирения в Белград, где договорился с Тито о восстановлении в полном объеме дипломатических отношений между СССР и СФРЮ, разорванных Сталиным в 1948 г. Характерно, что Хрущев не взял с собой в Белград министра иностранных дел Молотова, зато включил в состав правительственной делегации главного редактора «Правды» Дмитрия Шепилова, чья звезда ярко, но ненадолго вспыхнет на кремлевском небосводе. Уже в июле 1955 г. Шепилов станет секретарем ЦК, а через год сменит Молотова на посту министра иностранных дел СССР.

Хрущев начал налаживать диалог с молодыми, освободившимися от колониальной зависимости государствами Азии и Африки. В июне 1955 г. СССР с официальным визитом посетил премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, а в конце 1956 г. Хрущев и Булганин совершили поездку в Индию, а затем побывали с визитами в Бирме и Афганистане.

Хрущев был инициатором нормализации отношений с Западной Германией. В сентябре 1955 г. в Москву был приглашен канцлер ФРГ К. Аденауэр. В результате его переговоров с советским руководством была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Правда, этому важнейшему событию международного значения предшествовало одностороннее аннулирование Советским Союзом в мае 1955 г. союзных договоров с Англией и Францией, заключенных в годы совместной борьбы против нацизма. На этом настоял Молотов, убедивший Хрущева и других членов Президиума ЦК КПСС в необходимости подобным образом отреагировать на подписание в октябре 1954 г. Парижских соглашений, по которым ФРГ была принята в Западноевропейский союз (ЗЕС) и стала членом НАТО.

Одновременно советское руководство в мае 1955 г. инициировало создание военно-политической Организации Варшавского Договора (ОВД), куда кроме СССР вошли Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша и Румыния. Казалось, что раскол Европы на два враждебных военно-политических блока приобрел необратимый характер.

Строительство в центре Европы противостоящего НАТО восточного блока — ОВД — сочеталось в политике Хрущева с демонстративными акциями по количественному сокращению неоправданно огромного для мирного времени советского военного потенциала. Сделав ставку на форсированное создание ракетно-ядерного оружия (еще 12 августа 1953 г. СССР произвел первое успешное испытание водородной бомбы, опередив в этом США; одновременно

шли успешные разработки и испытания баллистических ракетносителей ядерных зарядов), Хрущев начал сокращать армию, доставшуюся ему в наследство от Сталина. 12 августа 1955 г. было объявлено о сокращении численности вооруженных сил СССР на 640 тыс. человек, а 17 марта 1956 г. — на 420 тыс. Еще более крупные сокращения будут проведены в последующие годы, что вызовет сильное недовольство в армии.

Одним словом, хотя начатая Сталиным холодная война продолжалась и после смерти диктатора, тем не менее в советской внешней политике после 5 марта 1953 г. появились новые, обнадеживавшие Запад тенденции. В Кремле перестали предекать неизбежность третьей мировой войны и все чаще стали говорить о возможности мирного сосуществования между Востоком и Западом. Правда, представления об этом самом Западе, как и в целом об окружающем СССР внешнем мире, в советском руководстве по-прежнему оставались сильно идеологизированными и в значительной степени неадекватными реальности, хотя наследники Сталина (Хрущев, Булганин, Микоян и др.) время от времени стали выезжать за пределы СССР на «встречи в верхах» с лидерами западных стран.

Новые тенденции получили развитие и во внутренней политике, где Хрущев решил пойти на разоблачение преступлений Сталина и реабилитацию жертв массовых политических репрессий 30—40-х годов. Независимо от мотивов, по которым он, сам бывший соучастником преступлений, пошел на это, и даже с учетом всей ограниченности и непоследовательности его действий, именно разоблачение сталинских преступлений на XX (1956) и XXII (1961) съездах КПСС станет главной исторической заслугой Хрущева.

Хрущевская оттепель — это прежде всего начавшееся возвращение из ГУЛАГа десятков тысяч политзаключенных и реабилитация жертв сталинского террора, это появление первых ростков свободомыслия. Это журнал «Юность» Валентина Катаева (июнь 1955 г.) и Театр-студия «Современник» Олега Ефремова (16 апреля 1956 г.), «Не хлебом единым» В. Дудинцева (август 1956 г.) и «Судьба человека» М. Шолохова (декабрь 1956 г.); это вечера поэзии в Политехническом музее и впервые зазвучавшая в Москве и Ленинграде музыка Дж. Гершвина (январь 1956 г.) и Б. Бриттена (март 1956 г.); это первая после 1891 г. французская книжная выставка в Москве (май 1956 г.) и приезд в Москву Ива Монтана и Симоны Синьоре (декабрь 1956 г.); это «Сорок первый» Григория Чухрая (октябрь 1956 г.) и «Карнавальная ночь» Эльдара Рязанова (декабрь 1956 г.); это, наконец, открытие 20 июля 1955 г. для свободного посещения Московского Кремля, тридцать лет закрытого для простых смертных...

В ряду этих и других ярких событий, относящихся к 1955—1956 гг., практически незамечена была широкой общественностью промелькнувшая 24 апреля 1956 г. в газетах информация о создании в системе Академии наук СССР Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Лишь немногие могли припомнить, что когда-то, еще в далекие довоенные времена, существовал академический институт с похожим названием — Институт мирового хозяйства и мировой политики.

Микоян и Арзуманян

Открытию ИМЭМО предшествовала история, начало которой относится к ноябрю 1952 г., когда в Москву на постоянную работу в Институт экономики АН СССР из Баку был приглашен кандидат экономических наук Анушаван Агафонович Арзуманян. Поскольку ему суждено будет стать одним из главных персонажей в нашем рассказе, есть основания подробнее познакомиться с биографией этого незаурядного человека¹.

Анушаван Арзуманян родился 14 февраля (по н.с.) 1904 г. в с. Каварт Зангезурского уезда Елизаветпольской губернии в крестьянской семье. Окончив двухгодичную сельскую начальную школу, он поступил в реальное училище в г. Шуша, где проучился с 1912 по 1918 г. Как и многие его сверстники, совсем еще юный Арзуманян был вовлечен в водоворот революционных событий, примкнул к большевикам и в 1920 г. стал одним из организаторов комсомола Армении. С 1921 по 1928 г. Арзуманян, вступивший в апреле 1923 г. в ВКП(б), — на руководящей работе в комсомоле. Он член бюро Закавказского краевого комитета ВЛКСМ, член Президиума ЦК ЛКСМ Армении, секретарь Ереванского комитета ЛКСМ и заместитель секретаря ЦК ЛКСМ Армении.

Неудержимое стремление к знаниям побуждает Арзуманяна прервать успешно начатую комсомольскую карьеру. В 1928 г. он отправляется в Москву и поступает в Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, но со 2-го курса его мобилизуют на партийную работу и возвращают в Армению, где Арзуманян работает секретарем Курукулинского (впоследствии Октемберянского района).

В 1931 г. Арзуманяна переводят на работу в ЦК КП(б) Армении, где он возглавляет Отдел агитации и массовых кампаний и избирается членом ЦК КП(б)А. Через два года, в июне 1933 г., Арзуманян вновь попадает в Москву, где до февраля 1936-го учится в Аграрном институте Красной профессуры, после чего получает назначение, сначала на должность 1-го секретаря Микояновского РК КП(б) Армении, а в феврале 1937-го — 1-го секретаря Кировского РК КП(б)А.

Успешная карьера Арзуманяна оборвалась в ноябре 1937 г., когда его, в то время уже ректора Ереванского государственного университета, арестовали. Сам он никогда и никому, кроме членов своей семьи, не рассказывал о том трагическом периоде жизни. В Архиве РАН, где имеется личный фонд А.А. Арзуманяна с его многочисленными анкетами, служебными характеристиками и автобиографиями, нет ни одного упоминания о том, что он был репрессирован. И лишь однажды, в краткой автобиографии из личного дела, хранящегося в Архиве Института мировой экономики и международных отношений, обна-

¹ О жизни и научной деятельности А.А. Арзуманяна см.: Академик В.А. Мартынов. Академик Анушаван Агафонович Арзуманян (1904-1965) // Академики-экономисты России. М., 1999. С. 193–210.

ружилась одна скупая фраза: «В ноябре 1937 г. был оклеветан врагами народа, привлечен к следствию, но был полностью реабилитирован»¹.

За этими немногими словами — личная трагедия Арзуманяна, повлиявшая на всю его жизнь, на его мировоззрение и поступки.

Как выяснил Гагик Григорьевич Арзуманян, племянник Анушавана Агафоновича, изучивший в Ереване его следственное дело, будущий основатель ИМЭМО был арестован по т.н. «делу Агаси Ханджяна», 1-го секретаря ЦК Компартии Армении, застреленного лично Берией 9 июля 1936 г. Тогда было объявлено о самоубийстве Ханджяна, запутавшегося «в своих националистических ошибках и связях»², а год спустя началась широкомасштабная чистка в руководстве компартии Армении. В результате этой чистки к концу 1938 г. из 55 членов и кандидатов ЦК КП Армении уцелело лишь 15 человек³.

В застенки НКВД угодил и Анушаван Арзуманян, хорошо знавший покойного Ханджяна. Из материалов следственного дела Арзуманяна следует, что показания на него (под пытками) дали 9 человек⁴. Все они, признавшись в своих мнимых преступлениях и оговорив тех, на кого указывало следствие, позднее были расстреляны. Что касается Арзуманяна, то ему хватило сил, пройдя все круги чекистского ада, не признать своей вины⁵. Быть может, это и спасло ему жизнь.

Когда в конце 1938 г. Сталин убрал из НКВД Ежова и поставил на его место Берия, последний провел явно демонстративную акцию по реабилитации части арестованных и даже осужденных «врагов народа». В небольшое число счастливых попали и те, кто упорно не признавал своей вины. «Дело» Арзуманяна было затребовано из Еревана в Москву, где решением Особого совещания при НКВД он был оправдан⁶.

По свидетельству Гагика Григорьевича Арзуманяна, его дядя категорически отказывался выходить из тюремных застенков, пока ему не вернут отобранный при аресте партбилет. Следовательно, получившему приказ освободить Арзуманяна, пришлось выполнить это, столь же смелое, сколь и необычное требование упрямого арестанта. Подавляющее большинство других освобожденных тогда лиц получили свои партбилеты лишь через двадцать лет, после XX съезда.

В апреле 1939 г. Арзуманян вышел на свободу, оставив в застенках НКВД многие прежние иллюзии, но сохранив веру в главное — в идеи Маркса и Ленина.

¹ Личное дело А.А. Арзуманяна // Архив Института мировой экономики и международных отношений (далее везде: Архив ИМЭМО РАН. — П.Ч.).

² Заря Востока, 14.07.1936. Цит. по: Берия: Конец карьеры. М., 1991. С. 30.

³ Там же. С. 31.

⁴ Был и еще один человек, который добровольно, без всякого давления, оговорил Арзуманяна.

⁵ Позднее он рассказывал своим близким, что однажды его специально повели на допрос через помещение, где лежали окровавленные трупы двух его товарищей. Это должно было сломить сопротивление Арзуманяна (из воспоминаний Г.Г. Арзуманяна).

⁶ По-видимому, его делом в Москве занимался, если и не сам Берия, то, по всей видимости, Богдан Кобулов, тогдашний начальник Следственной части, зам. начальника ГУГБ НКВД СССР.

Семнадцать месяцев пребывания в чекистской преисподней оставили в душе Арзуманяна незаживающую рану. На всю жизнь он сохранит непримиримое отношение к людям, которые, как он достоверно знал, принимали активное участие в «разоблачении врагов народа» в Армении. Впоследствии он поймет, кто был инициатором массовых репрессий в СССР, а поняв станет убежденным антисталинистом.

В июле 1939 г. Арзуманян возвращается в Ереванский университет, но уже не в качестве ректора, а как скромный преподаватель политэкономии. В это время он начинает работать над кандидатской диссертацией, посвященной аграрному кризису 80—90-х годов XIX века в России. Однако до защиты дело не дошло. На этот раз помешала война.

В июне 1941 г. Арзуманян добровольно вступает в ряды Красной Армии, становится военным политработником и принимает участие в боевых действиях на Закавказском, Северо-Кавказском, 1-м и 4-м Украинском фронтах. На трех последних фронтах майор Арзуманян находился в составе 18-й армии, в непосредственном подчинении у начальника армейского политотдела полковника Л.И. Брежнева, который в самом конце войны получит генеральские погоны и возглавит Политуправление 4-го Украинского фронта.

О том, как Арзуманян проявил себя на фронте, свидетельствуют полученные им ордена Красного Знамени (1943), Отечественной войны 2-й степени (1944) и Красной Звезды (1945), а также медали «За оборону Кавказа» (1944) и «За победу над Германией» (1945).

Об этом же свидетельствует и документ, выданный Арзуманяну при демобилизации из армии в декабре 1945 г.

СЛУЖЕБНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
на лектора Политотдела 18 Армии майора
АРЗУМАНЯНА Анушавана Агафоновича

Майор тов. АРЗУМАНЯН Анушаван Агафонович за время работы в Политическом отделе 18 армии в качестве лектора проявил себя честным, скромным, добросовестным большевиком, беспредельно преданным делу большевистской партии. <...>

АРЗУМАНЯН принимал непосредственное участие в подготовке и осуществлении важнейших боевых операций: Новороссийской, Житомирской, Бердичевской, Карпатской и др. В период фронтовой жизни наибольшую часть времени он находился в войсках, оказывал практическую помощь политорганам и партийным организациям в мобилизации личного состава на решение боевых задач. Принимал непосредственное участие в боях, он проявил себя достойные большевику качества (так в тексте. — П.Ч.): мужество, смелость и отвагу, словом и делом, личным примером воодушевлял людей на подвиги.

Особенно следует подчеркнуть ту большую работу, которую провел тов. АРЗУМАНЯН в период действий нашей армии в районах Закарпатской Украины и Чехословакии. Умение правильно ориентироваться в обстановке,

в новых условиях позволило ему подготовить серию важнейших политических документов (манифеста о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине, решения 1-й конференции компартии Закарпатской Украины — об очередных задачах, подобного решения профсоюзной конференции и др. писем, телеграмм и обращений), сыгравших известную роль в организации движения народов Закарпатской Украины по присоединению к Советской Украине. <...>

Заместитель Начальника
 Политического отдела 18 Армии
 Подполковник ПАХОМОВ

28 декабря 1945 г.¹

В январе 1946 г., после демобилизации, Арзуманян возвращается в Ереван, где ему предлагают место старшего преподавателя на кафедре политэкономии в Азербайджанском государственном университете им. С.М. Кирова. Пришлось покинуть родной Ереван и отправляться в едва знакомый Баку.

Устроившись на новом месте, Арзуманян с головой уходит в учебный процесс и одновременно завершает работу над кандидатской диссертацией, которую успешно защищает уже в 1947 г.² Вскоре он получает ученое звание доцента.

В это время происходит важное событие в его личной жизни, безусловно, определившее дальнейшую стремительную карьеру Арзуманяна. В Баку он женится на Айкуш Лазаревне Туманян и в одночасье становится родственником члена Политбюро ЦК ВКП(б) Анастаса Ивановича Микояна.

Дело в том, что жена Микояна, Ашхен Лазаревна (урожденная Туманян), была старшей сестрой Айкуш Лазаревны Арзуманян. *«Она всегда была частым и желанным гостем у нас дома, — вспоминает сын Микояна Серго. — Анушаван Агафонович понравился отцу... своими качествами: порядочностью, умом, доброжелательностью, серьезным отношением к экономической науке и новаторским идеям. У всех домашних он вызывал уважение и симпатию...»*³.

А.И. Микоян многие годы отвечал в Политбюро и в Правительстве за вопросы внешнеэкономической деятельности СССР и по роду занятий, в отличие от большинства других «соратников», неплохо ориентировался не только во внутренних, но и в международных делах. Еще в 30-е годы он создал учебный Институт, а затем Академию внешней торговли, а также Научно-исследовательский конъюнктурный институт (НИКИ МВТ СССР). Он проявлял живой интерес к деятельности своих детищ, к учебному процессу и научным исследованиям, нередко встречался со студентами, преподавателями и учеными.

¹ Архив Российской академии наук (далее везде: Архив РАН. — П.Ч.). Ф. 1556. Оп. 1. Д. 180. Л. 1.

² Диссертацию Арзуманян защищал не в Баку, а в своем родном Ереванском университете.

³ Из неопубликованной рукописи С.А. Микояна «ИМЭМО в моей жизни (сугубо личные и, быть может, слишком откровенные воспоминания)», любезно предоставленной им в распоряжение автора.

Встречаясь время от времени в Москве со своим бакинским свояком, Микоян, помимо семейных дел, обсуждал с ним и экономические вопросы, все больше проникаясь уважением к зрелым и вместе с тем смелым суждениям Арзуманяна о состоянии советской экономики и экономической науки. В конечном счете Микоян приходит к мысли о том, что Арзуманян с его способностями заслуживает большего, нежели прозябать в Баку. К тому времени Арзуманян уже успел заявить о себе на Всесоюзной экономической дискуссии, устроенной по инициативе Сталина. Он выступил там с интересными мыслями о положении в советской экономической науке.

Заместителю Председателя Совета Министров СССР А.И. Микояну не стоило больших усилий в августе 1952 г. организовать перевод на работу в Москву доцента А.А. Арзуманяна, к тому времени уже проректора по научной работе Азербайджанского государственного университета.

Арзуманян направляется в Институт экономики АН СССР на должность и.о. заведующего сектором общих проблем империализма и общего кризиса капитализма¹. Здесь он близко знакомится с академиком Е.С. Варгой и бывшими «имховцами», уцелевшими после ликвидации в 1947 г. Института мирового хозяйства и мировой политики. Остатки ИМХМП, как уже говорилось, были собраны в том самом секторе, который возглавил Арзуманян.

Уже через год, в сентябре 1953 г., Арзуманян решением Президиума АН СССР был назначен заместителем директора Института экономики (по капиталистической экономике). В представлении на эту должность, направленном в Президиум Академии наук, дирекция Института экономики подчеркивала: «За короткое время т. Арзуманян А.А. проявил себя серьезным квалифицированным экономистом, с большим опытом организационной работы, хорошо ориентирующимся в вопросах капиталистической экономики»².

Нельзя исключать того, что столь быстрое продвижение кандидата наук Арзуманяна (в Институте экономики работал большой отряд маститых экономистов, наделенных академическими регалиями), наряду с его очевидными способностями, объяснялось также и возросшим после смерти Сталина влиянием А.И. Микояна, который становится членом обновленного Президиума ЦК КПСС, откуда удалили почти всех «новобранцев» XIX съезда, и Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Постоянное общение с Е.С. Варгой и другими «имховцами» постепенно приводит Арзуманяна к мысли о необходимости воссоздания закрытого Сталиным Института мирового хозяйства и мировой политики. Разумеется, это было и заветной мечтой самого Варги.

Укрепившись в этой мысли, Арзуманян поделился ею с А.И. Микояном и встретил у того полное понимание. Микоян хорошо помнил и высоко ценил информационно-аналитические разработки, которые он, как член Политбюро и нарком (министр) внешней торговли, получал в свое время из ИМХМП. Тем

¹ С его приходом сектор был реорганизован и укрупнен, получив название — сектор проблем империализма и национально-колониальных проблем.

² Личное дело А.А. Арзуманяна // Архив ИМЭМО РАН.

111

Директору Института экономики
АН СССР тел.-корреспонденту АН СССР
Гос. Остроумову К. В.

от кандидата экон. наук, доцента
А. А. Арзуманяна.

Заявление.

Прошу принять меня на работу в
Институт экономики.

Арзуманян

1/IX - 1952г.

В Курьян
Курьян И. С. Зедя
секретарь и т.д.
и т.д. и т.д.
комиссия с 1/IX 1952г.
~~...~~
(на основании заявления
К. В. Остроумова)
Список документов
Дел (подпись)
отдел
1/IX 52. (82)

Заявление А.А. Арзуманяна о приеме на работу в Институт экономики АН СССР от 1.09.1952 г. (Архив ИМЭМО РАН)

большая потребность в подобного рода разработках, по его мнению, возникла теперь, когда преемники Сталина начали переосмысливать доставшееся им наследие.

«После смерти Сталина в марте 1953 г., — пишет в своих воспоминаниях доктор исторических наук Серго Анастасович Микоян, — его преемникам в руководстве СССР стало ясно, что железный занавес, которым отстремился накрепко отделить Советский Союз от буржуазного мира, в прежнем виде уже не нужен, не отвечает требованиям времени. С внешним миром, в том числе с Западом, надо было жить на одной планете и даже сотрудничать, несмотря на реальный раскол мира на два «лагеря». Во-первых, был еще и «третий мир», за влияние на который шла борьба. Во-вторых, и Западный «лагерь капитализма» оставался постоянным нашим партнером в экономике и политике. Поэтому следовало возобновить изучение зарубежного мира, фактически свернутое Сталиным, и развить научные исследования дальше. Академия наук должна была сыграть свою важную роль в создавшихся новых условиях»¹.

Почему же именно Академия наук?

Прежде всего и главным образом по той причине, что после ликвидации ИМХМП в 1947 г. в СССР не осталось ни одного учреждения, которое специально занималось бы комплексным изучением внешнего мира, находящегося по ту сторону железного занавеса. Ни МИД с его региональными отделами и созданным после войны учебным Институтом международных отношений (МГИМО), ни внешняя разведка, с ее специфическими интересами, ни ТАСС и безнадежно идеологизированная советская пресса не могли способствовать выполнению подобного рода задачи. В результате у дезинформированного высшего советского руководства были самые превратные представления о «враждебном капиталистическом окружении» и о процессах, происходящих в мировой экономике и политической жизни зарубежных стран. Ведь Сталин обещал скорый неминуемый крах капитализма. Зачем же тогда изучать то, что само обречено на гибель? Мало кто в СССР мог (или смел) сомневаться в истинности сталинского прогноза.

В Институте экономики АН СССР, как уже говорилось, существовал «отдел капитализма», но, во-первых, сил было явно недостаточно, а во-вторых, работавшие там видные специалисты-зарубежники еще не оправались от политических обвинений в «буржуазном реформизме» и «космополитизме».

И тем не менее именно Академия наук была самым подходящим местом для развертывания исследований в области мировой экономики и международных отношений. Арзуманяну без труда удалось убедить в этом своего влиятельного родственника.

Микоян взялся помочь Арзуманяну в реализации его плана воссоздания в системе Академии наук СССР некоего подобия ИМХМП. Микоян и Арзума-

¹ Микоян С.А. Указ. соч. С. 1

нян «часами беседовали на эти темы — от круга проблем для будущих исследований до того, как осуществить эту идею, т.е. провести ее через всевозможные бюрократические рогатки», — вспоминает С.А. Микоян¹. Было решено действовать с двух направлений: Арзуманян должен был добиться постановки данного вопроса на уровне Академии наук, а Микоян брался провести его через ЦК и Совет Министров.

Приближался намеченный на февраль 1956 г. XX съезд КПСС, на котором, среди прочего, предстояло обсудить директивы по 6-му пятилетнему плану развития народного хозяйства, в том числе и науки, на 1956—1960 гг.

В октябре 1955 г. Президиум Академии наук СССР направил Председателю Совета Министров СССР Н.А. Булганину развернутую докладную записку — «Важнейшие задачи развития науки в шестой пятилетке»². А.А. Арзуманяну, поддержанному академиком Е.С. Варгой и руководством Отделения экономики, философии и права АН СССР, удалось включить в раздел, посвященный состоянию и перспективам развития общественных наук, ряд предложений, включая создание Института мировой экономики и международных отношений. Данное предложение обосновывалось тем, что «экономисты до сих пор слабо обобщают новейшие явления современного капитализма», что «мешает правильному анализу современного экономического положения капиталистического мира и затрудняет ориентацию наших кадров в международной обстановке»³.

В пункте 10-м подраздела об основных задачах развития общественных наук в шестой пятилетке было записано:

«В области экономики современного капитализма должна быть обеспечена, в первую очередь, разработка следующих вопросов:

- а) капиталистическое воспроизводство и циклическое развитие капитализма на современном этапе;
- б) рабочее движение в современном мире;
- в) развитие кризиса колониальной системы и распад этой системы;
- г) развитие противоречий между капиталистическими странами и внешняя политика этих стран;
- д) сосуществование и экономическое сотрудничество стран с разными социальными системами.

В связи с последним вопросом необходимо изучать деятельность Организации Объединенных Наций, ее различных международных, в первую очередь, экономических органов, а также международных экономических организаций, не связанных с ООН, тенденции в развитии международной внешней торговли и вопросы технической помощи слабо развитым странам.

¹ Микоян С.А. Указ. соч. С. 2

² Полный текст этого документа с Приложениями хранится в бывшем Архиве ЦК КПСС. См: Российский государственный архив новейшей истории (далее везде: РГАНИ. — П.Ч.). Ф. 5. Оп. 35. Д. 35.

³ Там же. Л. 258.

По мере исследования указанных проблем должны быть подготовлены и представлены в директивные инстанции докладные записки по соответствующим вопросам и изданы научные монографии и научно-популярные книги»¹.

В подразделе «Мероприятия, необходимые для обеспечения дальнейшего развития общественных наук» читаем:

«Организовать специальный Институт мировой экономики и международных отношений на базе отдела экономики современного капитализма Института экономики Академии наук СССР...

Разрешить экономистам, работающим по международным вопросам, использовать служебные материалы МИД и МВТ СССР. Создать, наряду с журналом «Вопросы экономики», журналы по экономике капиталистических стран и экономической географии»².

Все эти благие академические пожелания, требовавшие значительных бюджетных затрат, могли так и остаться на бумаге, если бы за их реализацию не взялся член Президиума ЦК КПСС, Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян. Одному ему доступными способами он обеспечил внимательное, а не формальное изучение направленных в Правительство предложений Академии наук о создании нового института международного профиля. И что самое главное — он сумел склонить к этому Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, в принципе считавшего академическую науку ненужной обузой и признававшего только те ее области, которые непосредственно участвовали в создании ракетно-ядерного оружия и освоении космоса.

«Дитя» XX съезда

Трудно со всей определенностью утверждать, кто именно, помимо цеховских чиновников, принимал участие в подготовке Отчетного доклада, с которым на XX съезде КПСС выступил Н.С. Хрущев. Тем не менее знакомство с некоторыми его разделами и пассажами, посвященными оценке т.н. общего кризиса капитализма, международной обстановке и положению в советской экономической науке дает основания предположить, что в этом участвовали некоторые научные сотрудники отдела современного капитализма Института экономики АН СССР, в частности академик Е.С. Варга и заместитель директора Института А.А. Арзуманян. Слишком уж напоминали данные Хрущевым в докладе оценки по некоторым из этих вопросов точку зрения Варги и его единомышленников, к которым по приезду в Москву присоединился и Арзу-

¹ РГАНИ. Ф.5. Оп. 35. Д. 35. Л. 265.

² Там же. С. 270–271.

манян, ставший наиболее активным борцом против догматизма и застоя, утвердившихся в экономической науке после 1947 г.

Выступая с трибуны съезда, Хрущев, разумеется, повторил все ритуальные марксистско-ленинские оценки общего кризиса капитализма, который, по его словам, «продолжает углубляться». Говорил он и о «неразрешимом противоречии капитализма» — между «современными производительными силами и капиталистическими производственными отношениями», которые, по утверждению Хрущева, «обострились еще больше»¹.

Но не эти привычные заклинания привлекали внимание в выступлении Хрущева, а совсем другие, в которых лидер КПСС по существу отверг сталинский тезис о развитии капитализма на «суженной основе», что якобы ведет его к скорой деградации и неизбежной гибели. Между тем именно за признание вовсе не исчерпанных возможностей развития капиталистической экономики и подвергали совсем недавно уничтожающей критике «буржуазных реформистов» из бывшего ИМХМП. «Следует сказать, — подчеркнул Н.С. Хрущев в Отчетном докладе, — что марксистам-ленинцам всегда было чуждо представление, будто общий кризис капитализма означает полный застой, приостановку производства и технического прогресса. <...> Поэтому нам нужно внимательно следить за экономикой капитализма, не воспринимая упрощенно ленинское положение о загнивании империализма, а изучать все лучшее, что дают наука и техника в странах капитализма, с тем чтобы использовать достижения мирового технического прогресса в интересах социализма»².

В этом важном высказывании Хрущева, с одной стороны, можно было усмотреть завуалированную критику сталинской трактовки общего кризиса капитализма, как не марксистско-ленинской, а во-вторых, в нем содержался призыв развернуть те самые «техно-экономические» исследования капиталистической экономики, которые в 1947—1952 гг. ставились Варге и его соратникам в вину, как серьезное идеологическое прегрешение.

Довольно резко Хрущев высказался о положении в советской экономической науке. В Отчетном докладе он не упоминал о Сталине, оставив сведение счетов с ним на последний день работы съезда, когда он выступит с закрытым докладом о культе личности покойного вождя. Но когда Первый секретарь ЦК КПСС заговорил о догматизме и застое, охвативших экономическую науку, делегатам, знавшим «Экономические проблемы социализма в СССР» чуть ли не наизусть, стало ясно, кто виноват в этом застое.

Из отчетного доклада Н.С. Хрущева:

«<...>Мы не можем смотреть на теорию глазами догматиков, людей, отрешенных от жизни. Революционная теория — не собрание застывших формул, а боевое руководство к практической деятельности по преобразованию мира, по строительству коммунизма. <...>

¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1956. С. 14—15.

² Там же. С. 15.

Неблагополучно обстоит дело и в области экономической науки. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что наши экономисты не создали серьезных трудов по различным вопросам советской экономики, не принимают участия в обсуждении важнейших вопросов развития промышленности и сельского хозяйства на совещаниях, проводимых ЦК КПСС. Это значит, что наши экономические институты и их работники основательно оторвались от практики коммунистического строительства. <...>

Марксистско-ленинская теория освещала, освещает и впредь будет освещать нашу дорогу к великой цели. Требуется только одно — применять революционную теорию не догматически, а творчески, развивая ее дальше, в процессе практической борьбы за коммунизм, на основе обобщения нового исторического опыта и анализа фактов живой действительности. К сожалению, эта важная работа у нас на многих участках еще сильно отстает. <...>

Весьма важное значение в настоящее время имеет экономическое учение марксизма-ленинизма, вопросы конкретной экономики промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, торговли. Вопросы марксистско-ленинской экономической науки в ее неразрывной связи с практикой коммунистического строительства должны быть поставлены в центре нашей пропаганды»¹.

Говоря о международном положении СССР, Н.С. Хрущев подтвердил курс на мирное сосуществование с Западом, обозначившийся в политике СССР после смерти Сталина, как «генеральную линию внешней политики нашей страны»². Он отметил, что, несмотря на продолжающуюся, разумеется, по вине «империалистических кругов», холодную войну и гонку вооружений, «среди влиятельных кругов Запада начинают появляться признаки известного отрезвления»³.

Но что самое удивительное, Хрущев повторил тот самый «пораженческий» тезис Маленкова о губительных последствиях для человечества третьей мировой войны, за который годом ранее он резко критиковал своего тогдашнего соперника. Теперь же Хрущев по существу полностью соглашался не только с Маленковым, но и с «видными деятелями буржуазных стран» в том, что «в войне с применением атомного оружия не будет победителей»⁴.

Более того, в качестве стратегической внешнеполитической задачи партии и Советского государства лидер КПСС выдвинул положение о возможности предотвращения войн в современную эпоху. Это был еще один вызов сталинизму, толкавшему мир к ядерной войне.

Критические высказывания Хрущева о господстве догматических представлений в советских общественных науках, в особенности в экономической, были развиты и конкретизированы на съезде А.И. Микояном. В его выступлении

¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1956. С. 112–114.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же.

нашли отражение как собственные мысли по поднятым вопросам, так и идеи, подсказанные А.А. Арзуманяном, в частности, необходимость создания академического института, изучающего экономику и политику зарубежных стран.

Из выступления А.А. Микояна на XX съезде КПСС:

«<...> Мы серьезно отстаем в деле изучения современного этапа капитализма, не занимаемся глубоким изучением фактов и цифр, часто ограничиваемся тем, что в целях агитации выхватываем отдельные факты о признаках приближающегося кризиса, об обнищании трудящихся, но не делаем всесторонней и глубокой оценки явлений, происходящих в жизни зарубежных стран. Наши экономисты, изучая экономику Советского Союза и стран народной демократии, часто скользят по поверхности, не доходят до глубин, не делают серьезного анализа и обобщений, избегают освещения особенностей развития отдельных стран.

Да, по существу, и кому у нас заниматься серьезной разработкой этих вопросов? *Был у нас до войны Институт мирового хозяйства и мировой политики, да и тот ликвидирован, а единственный в системе Академии наук экономический институт не справляется, да и не может справиться с делом глубокого изучения экономики и стран социализма, и стран капитализма* (курсив мой. — П.Ч.).

Есть в системе Академии наук еще институт, занимающийся вопросами Востока, но про него можно сказать, что если весь Восток в наше время пробудился, то этот институт дремлет и по сей день. Не пора ли ему подняться до уровня требований нашего времени?

Трудно понять и ликвидацию просуществовавшего 139 лет Московского института востоковедения, да еще как раз в период, когда наши связи с Востоком растут и крепнут, когда с расширением экономических, политических, культурных связей со странами Востока неизмеримо повысился интерес к ним у советской общественности, возросла потребность в людях, знающих языки, экономику, культуру восточных стран.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что, как говорят, в США насчитывают свыше полутора десятков научных учреждений, занимающихся изучением советской экономики. Я не касаюсь того, как и что именно они изучают, но факт, что там огромное количество экономистов занято подбором материалов и изучением экономического развития Советского Союза.

Следует отметить, как серьезный успех коллектива наших экономистов, выпуск учебника политэкономии, а затем и второго, дополненного издания этого учебника. Но было бы неправильно умолчать, что разделы учебника о современном этапе развития капитализма, в частности вопрос о характере и периодичности циклических кризисов, а также вопросы политэкономии социализма, нуждаются в дальнейшем более глубоком изучении и доработке»¹.

¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14 – 25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1956. С. 323 – 324.

Выступление Микояна нашло широкий отклик среди научной общественности. Едва завершил свою работу XX съезд КПСС, как в ЦК полетели письма в поддержку предложений, высказанных Микояном.

Одно из таких писем было отправлено 7 марта 1956 г. членом партии с мая 1917 г., профессором С.М. Захаренко, заведующим кафедрой экономической географии Московского экономико-статистического института. *«Многоуважаемый Анастас Иванович! — писал Захаренко. — Должен с уговольствием заметить, что давно являюсь Вашим единомышленником. Неоднократно я ставил вопросы, примерно в том же разрезе, как Вы их поставили на XX съезде партии, но, к сожалению, никогда не встречал поддержки»*¹. Профессор Захаренко сообщал Микояну, что последнее его обращение в отдел науки ЦК КПСС имело место 20 января 1956 г., т.е. за три недели до открытия съезда.

Суть предложения старого ученого-партийца сводилась к необходимости создания в системе АН СССР нескольких НИИ для всестороннего изучения зарубежных стран Запада и Востока, что, по его убеждению, вытекает из потребностей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности советского руководства. Чиновники из отдела науки ЦК ознакомили с поступившим к ним письмом К.В. Островитянова, бывшего директора Института экономики, а теперь уже действительного члена АН СССР и даже ее вице-президента.

*«Академик Островитянов считает, — рапортовали высшему начальству зав. сектором Отдела науки ЦК КПСС К. Кузнецова и инструктор Отдела В. Иванов, — что создание в Академии Наук СССР целой группы научно-исследовательских институтов по зарубежным странам в настоящее время не представляется необходимым. Отдел науки и вузов ЦК КПСС с мнением т. Островитянова по данному вопросу согласен. Тов. Захаренко в связи с его письмом вызывался на беседу в Отдел науки и вузов»*².

Забегая вперед, отметим, что предложение, сформулированное профессором Захаренко (и не им одним), будет реализовано только в 60-е годы.

Если от профессора легко можно было отделаться с помощью академика Островитянова, то к пожеланию одного из самых влиятельных членов Президиума ЦК КПСС партийные чиновники должны были отнестись предельно внимательно, тем более что оно было поддержано «самим» Никитой Сергеевичем.

По окончании работы XX съезда А.И. Микоян проследил, чтобы его предложение не затерялось в массе других пожеланий и рекомендаций, высказанных со съездовской трибуны. Отдел науки ЦК КПСС получил предписание в короткий срок подготовить проект решения Президиума ЦК об организации в системе АН СССР Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). К подготовительной работе были подключены академик Е.С. Варга и А.А. Арзуманян.

¹ РГАНИ. Ф.5. Оп. 35. Д. 23. Л. 69–72.

² Там же. С. 77.

По всей видимости, в отделе науки, еще при Сталине выделившемся из Агитпропа — Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), поначалу не были в курсе намерений высшего руководства относительно кандидатуры будущего директора ИМЭМО. Партийным чиновникам было ясно только одно — это не 76-летний академик Е.С. Варга, бывший директор закрытого при активном участии Агитпропа ИМХМП. Именно неосведомленность в сочетании с идейными предпочтениями побудили заведующего сектором экономической науки отдела науки ЦК КПСС К.И. Кузнецову выдвинуть кандидатуру И.И. Кузьмина, заведующего кафедрой политэкономии Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС на должность директора ИМЭМО. Так во всяком случае считает академик Г.А. Арбатов, ссылающийся на свидетельства Е.С. Варги и Н.Н. Иноземцева¹.

И.И. Кузьминов впервые заявил о себе на экономической дискуссии 1951—1952 г. Уже тогда, что, впрочем, понятно, он выступал с твердокаменных сталинистских позиций. Но и после смерти Сталина, когда многие советские экономисты получили возможность переосмыслить навязанные им догматы, Кузьминов, вскоре возглавивший кафедру в партийной АОН, продолжал исповедовать ортодоксальный сталинизм.

«Всем международникам этот человек, — пишет о И.И. Кузьминове академик Г.А. Арбатов, — был известен как гремучий и притом воинственный догматик, воплощавший в своей сфере самый махровый сталинизм (одним из генераторов догматизма и сталинизма в экономической науке, и в частности в политэкономии капитализма, он оставался еще многие годы — до самой своей смерти). Очень характерная для того времени деталь, — продолжает Г.А. Арбатов, — хотя все происходило после XX съезда и перед институтом (ИМЭМО — П.Ч.) ставилась руководством задача по-новому взглянуть на мир, дать его правдивую картину, аппарат ЦК КПСС, Отдел науки представил на Секретариат именно кандидатуру Кузьмина»².

Поскольку материалы Секретариата и Политбюро ЦК КПСС, относящиеся к тому времени, до сих пор (2004 г.) по большей части не рассекречены, не представляется возможности документально проверить, как обстояло дело на самом

¹ Это же подтвердил мне и ветеран ИМХМП — ИМЭМО профессор Я.А. Певзнер, знавший лично от Е.С. Варги о намерении отдела науки ЦК КПСС провести кандидатуру И.И. Кузьмина на должность директора ИМЭМО. В разговоре с Певзнером, состоявшемся тогда же, весной 1956 г., Варга сказал, что он был вызван к секретарю ЦК КПСС по идеологии Д.Т. Шепилову, который поинтересовался его мнением о двух кандидатурах — Кузьмина и Арзумяна. Разумеется, Варга энергично поддержал Арзумяна, что дало возможность Шепилову при подготовке вопроса на Секретариат и Президиум ЦК КПСС сослаться на авторитетное мнение бывшего директора ИМХМП.

² *Арбатов Георгий. Человек СИСТЕМЫ. М., 2002. С. 110. По некоторым свидетельствам, Кузьминов пользовался поддержкой Суслова, но в то время (1956 г.) будущий «серый кардинал» оказался «в тени» Шепилова, который, как уже отмечалось, поддержал Арзумяна. — П.Ч.*

деле, хотя нет никаких оснований сомневаться в надежности источников, на которые ссылается Г.А. Арбатов, т.е. свидетельств Е.С. Варги и Н.Н. Иноземцева.

Но в любом случае весной 1956 г. И.И. Кузьминов не имел никаких шансов занять пост директора создаваемого Института мировой экономики и международных отношений уже по той простой причине, что это место было зарезервировано за А.А. Арзуманяном.

Хотя формально вопрос об отборе кандидатов на должности директоров академических институтов входил в сферу компетенции тогдашнего секретаря ЦК КПСС по идеологии Д.Т. Шепилова, кандидатура А.А. Арзуманяна уже была одобрена самим Н.С. Хрущевым, что делало бессмысленным все хлопоты в пользу других лиц. По свидетельству Серго Анастасовича Микояна, его отец заблаговременно подготовил почву, переговорив с Хрущевым, а затем представил ему Арзуманяна, который произвел на того благоприятное впечатление.

Если в отделе науки ЦК поначалу действительно не знали об уже сделанном «на самом верху» выборе директора ИМЭМО, то к середине марта 1956 г. этот вопрос окончательно прояснился.

21 марта 1956 г. Секретариат ЦК КПСС принимает Постановление «Об организации Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР» и рекомендует Президиуму ЦК КПСС утвердить его, что и было сделано 3 апреля того же года. Затем решение высшей партийной инстанции «спускается» в Академию наук и уже 13 апреля 1956 г. обретает форму Постановления Президиума АН СССР, подписанного Президентом АН СССР академиком А.Н. Несмеяновым и заместителем Главного ученого секретаря Президиума АН СССР членом-корреспондентом АН СССР К.А. Власовым. Это постановление, практически слово в слово повторявшее решение Политбюро от 3 апреля 1956 г., было опубликовано с небольшими сокращениями в «Вестнике Академии наук СССР».

Учитывая, что речь идет об основополагающем документе, который на многие годы определил характер и направления деятельности ИМЭМО, есть смысл воспроизвести хотя бы его опубликованный (сокращенный) вариант.

«ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Президиум (АН СССР. — П.Ч.) признал, что научная работа по исследованию экономики и политики капиталистических стран ведется в системе Академии неудовлетворительно.

Институты Экономики и Востоковедения не осуществляют серьезной научной работы по вопросам мировой экономики и международных отношений, не обобщают данные об изменениях в экономике и политической жизни капиталистических стран. Плохо изучаются закономерности капиталистической действительности и происходящие в ней экономические процессы и политические явления, особенности государственно-монополистического капитализма.

Советские экономисты слабо знакомы с работами прогрессивных экономистов зарубежных стран; неудовлетворительно ведется критика реакцион-

ных буржуазных экономических теорий. Научные кадры готовятся в отрыве от изучения капиталистической действительности.

Среди научных работников-экономистов имеет место порочная практика огульного охаивания работ в целом из-за содержащихся в них частных недостатков и наклеивания авторам всякого рода «ярлыков», что неизбежно ведет к боязни смелой постановки новых вопросов, пересказу общеизвестных истин, к снижению научного уровня и практической значимости публикуемых работ по вопросам современного капитализма.

В условиях существования и экономического соревнования социалистической и капиталистической мировых систем важнейшее значение приобретает задача всестороннего изучения экономических процессов, особенностей внутренней и внешней политики, классовой борьбы в капиталистических странах.

Ввиду этого Президиум постановил создать в Москве в системе Академии Институт мировой экономики и международных отношений, включив его в состав научных учреждений Отделения экономических, философских и правовых наук.

На Институт мировой экономики и международных отношений возложено изучение:

экономики и политики современного капитализма и закономерностей его развития на основе обобщения фактов капиталистической действительности; проблем общего кризиса капитализма и его дальнейшего углубления; особенностей государственного монополистического капитализма; влияния милитаризации на капиталистическую экономику; характера воспроизводства и экономических кризисов на современном этапе;

взаимоотношений двух мировых экономических систем: капиталистической и социалистической;

явлений дальнейшего распада колониальной системы империализма, а также вопросов, связанных с новой ролью стран Азии в мировой экономике и политике;

экономики капиталистических государств, их промышленности, сельского хозяйства, транспорта; основных технико-экономических изменений, конъюнктуры капиталистического хозяйства и динамики капиталистического мирового рынка;

экономической политики капиталистических государств, их внутренней и внешней политики и современных международных отношений;

экономического положения рабочего класса, динамики заработной платы и безработицы, условий труда и быта, положения крестьянства и других слоев трудящихся в капиталистических странах;

классовой борьбы пролетариата и трудящихся масс в капиталистических странах; национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран;

деятельности международных организаций, занимающихся экономическими вопросами;

современного состояния зарубежной экономической науки.

Директором Института назначен кандидат экономических наук А.А. Арзумян (с последующим утверждением Общим собранием Академии).

Институту разрешено издание ежемесячного журнала «Мировая экономика и международные отношения».

Президиум обязал институты Истории, Философии, Права, Востоковедения обеспечить серьезное улучшение научно-исследовательской работы по вопросам экономики, истории, философии и права зарубежных стран.

Эта работа должна координироваться с вновь созданным Институтом.

Институту экономики предложено сосредоточить свою деятельность на изучении социалистической экономики и экономики стран народной демократии»¹.

Одно только перечисление поставленных перед ИМЭМО задач свидетельствовало о важности возложенных на него функций. Кстати, из опубликованного варианта Постановления Президиума АН СССР по цензурно-политическим соображениям был выпущен важнейший пункт, гласивший:

«Обязать Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР информировать директивные органы о новых процессах в экономике и политике капиталистических стран»².

Это придавало ИМЭМО особый статус, выделявший его из ряда других академических институтов гуманитарного профиля. Решение собственно научных, фундаментальных задач должно было сочетаться в деятельности ИМЭМО с информационно-аналитическим обслуживанием директивных органов, т.е. ЦК КПСС, СМ СССР, отдельных министерств и ведомств. Иными словами, ИМЭМО с самого начала находился под высоким покровительством ЦК.

В целом ИМЭМО призван был воссоздать целостную и вместе с тем достаточно детальную, максимально приближенную к реальности картину внешнего мира, находящегося по ту сторону железного занавеса. Выдвижение концепции мирного сосуществования как генеральной линии внешней политики СССР делало необходимым изучение «мировой системы капитализма», ее экономических, политических и социальных реалий, а также перспектив развития. Всем этим в свое время занимался Институт Варги, подвергшийся разгрому в 1947 г.

За истекшие с тех пор без малого десять лет в мире произошли серьезные структурные изменения: начиналась научно-техническая революция, возрождалась Западная Европа, избравшая путь экономической и политической интеграции, пробуждался непредсказуемый Восток... Все эти процессы нуждались в осмыслении, а те немногочисленные научные кадры, которые могли бы этим заниматься, были разобщены и деморализованы. На лучших советских

¹ Вестник Академии наук СССР, 1956, № 6. С. 117 – 118.

² Постановление Президиума АН СССР от 13 апреля 1956 г. № 155 «Об организации Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР» // Архив ИМЭМО РАН.

специалистах по мировой экономике и политике сталинский режим поставил клеймо «буржуазных реформистов».

На долю Арзумяна выпала нелегкая задача — привлечь в свой Институт интеллектуальные силы, прежде всего из числа бывших «имховцев», усилить их способной молодежью, организовать и умело направлять процесс научных исследований в области мировой экономики и международных отношений.

«Прежде всего, — вспоминает работавший с Арзумяном в начале 60-х годов будущий академик Г.А. Арбатов, — директору нового института надо было преодолеть несколько фундаментальных препятствий.

Одно из них — крайне догматический, пропагандистский характер представлений большинства наших специалистов по экономике капитализма и столь же отсталые представления в этом вопросе многих руководящих политических и идеологических работников, задававших тон в науке. Некоторые из них и сами не совсем верили описаниям крайних трудностей, в которых барахтается, почти что тонет капитализм, но тем не менее считали нормальным и необходимым, чтобы широкой публике продолжали преподносить эту версию. Вся абсурдность, а если говорить о науке — то и трагизм ситуации состояли в том, что такая позиция даже не отражала желания сознательно обманывать людей. Просто общественная наука — и в этом одно из тяжелых порождений сталинизма, часть его наследия... — не мыслилась вне рамок общих пропагандистских установок, ей отводилась незавидная роль прислужницы политики, способной «с марксистских позиций» обосновать каждый очередной политический финт руководства...

XX съезд изменил положение с точки зрения потребностей тех, кто делает политику. Они уже нуждались в правде, хотя бы в знании объективной картины мира (правда, в руководстве это едва ли понимали многие, но наверняка ощущали Куусинен и Микоян и, можно думать, Шепилов)»¹.

Обновленческие идеи XX съезда легли в основу всей деятельности А.А. Арзумяна — создателя и первого директора Института мировой экономики и международных отношений, человека, который по единодушному мнению всех, кто его знал, был противником косности и догматизма, убежденным антисталинистом. Обязанный своим рождением XX съезду, ИМЭМО в течение тридцати пяти лет своей «советской» истории (1956—1991 гг.), будет сохранять верность выбору, сделанному в годы «оттепели».

«Кадры решают всё»

Наверное, Анушаван Агафонович Арзумян не раз вспоминал этот сталинский лозунг 30-х годов, когда в апреле 1956 г. приступил к реализации Постановления об организации Института мировой экономики и международ-

¹Арбатов Георгий. Указ. соч. С. 111—112.

ных отношений. В самом деле, любой научно-исследовательский институт — это прежде всего высококвалифицированные кадры, соответствующим образом организованные и ориентированные на решение тех или иных научных проблем.

Но даже ученые-гуманитарии, не привязанные, как химики, физики или биологи к лабораториям с дорогостоящим оборудованием, тем не менее должны иметь свой «дом», где они собирались бы для совместных обсуждений, где можно было бы разместить библиотеку, читальные залы...

Поэтому первое, с чего начал свою деятельность директор ИМЭМО А.А. Арзуманян, так это с решения извечно многотрудного в Москве вопроса о здании для нового Института, штатный контингент которого был определен в 300 человек. Постановление Президиума ЦК КПСС от 3 апреля 1956 г. обязывало руководство Моссовета и Управление делами АН СССР найти подходящее здание для ИМЭМО, который в то время формально базировался на Волхонке, 14, вместе с несколькими институтами гуманитарного профиля — экономики, философии, истории. Но путь от принятия партийного постановления до его реализации, особенно, когда это требовало материальных затрат, в советской системе был обычно долгим и тернистым.

Еще 7 марта 1956 г., т.е. почти за месяц до принятия упоминавшегося Постановления ЦК КПСС, секретарь ЦК Д.Т. Шепилов обратился к Первому секретарю Московского горкома КПСС Е.А. Фурцевой с письмом, в котором говорилось:

«Направляю Вам заявку президиума Академии Наук СССР о потребности в служебной площади институтов Академии. Со своей стороны, считаю первоочередным и совершенно неотложным предоставление помещений вновь организуемому Институту мировой экономики и международных отношений...»¹.

В это время Н.С. Хрущев приступил к ликвидации размножившихся при Сталине союзных и республиканских (РСФСР) министерств. Освобождались занимаемые ими в центре Москвы здания. На это и рассчитывала Академия наук, подсказывая высшему партийному начальству, где и какие освобождаются здания, которые можно было бы передать ютившимся в тесноте на Волхонке четырем академическим институтам.

Первоначально директор Института экономики АН СССР В. П. Дьяченко договорился с А.А. Арзуманяном, что наиболее удобным для обоих институтов было бы разместиться в одном здании. Об этом они и просили центральные и московские власти — А.И. Микояна, Д.Т. Шепилова, Е.А. Фурцеву и председателя Исполкома Моссовета Н.И. Бобровникова.

В архиве бывшего ЦК КПСС сохранилась оживленная переписка по этому вопросу, свидетельствующая о том, что МГК КПСС и Моссовет не спешили выполнять даже предписания «сверху», тем более что Академия наук претен-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 181. Л. 13.

довала на освобождающиеся здания на Кузнецком мосту, на ул. Калинина (Воздвиженка) и в других центральных кварталах столицы. Так, например, 27 апреля 1956 г. и.о. Президента АН СССР академик К.В. Островитянов и Главный ученый секретарь Президиума АН СССР академик А.В. Топчиев информировали ЦК КПСС, что Е.А. Фурцева, Н.И. Бобровников и другие высшие московские чиновники не торопятся выполнять данное им Президиумом ЦК КПСС поручение. «Обеспечение вновь создаваемого ИМЭМО за счет зданий, могущих освободиться в связи с реорганизацией ряда министерств, задерживается, видимо, и не будет выполнено в необходимый срок», — с тревогой писали руководители АН СССР¹.

Тем не менее МГК и Моссовет так и «не изыскали возможности» удовлетворить пожелания уважаемых ученых мужей. В Москве, как оказалось, не нашлось здания, способного разместить два экономических института с совокупным штатом сотрудников в 650 человек (300 — ИМЭМО и 350 — Институт экономики). В конце концов Дьяченко и Арзуманян вынуждены были отказаться от идеи «совместного проживания» двух институтов и начали действовать порознь.

С большим трудом, в очередной раз прибегнув к незаменимой помощи А.И. Микояна, летом 1956 г. Арзуманян сумел-таки выбить из Моссовета здание для временного размещения своего Института.

Новоостаповская улица, дом 10 — таков адрес первой временной прописки ИМЭМО, где Институт размещался в течение года. Тогда это была московская рабочая окраина, с давних пор носившая столь же неблагозвучное, сколь и труднообъяснимое название — Сукино болото. Новоостаповская улица возникла в 1952 г. на месте бывшего Остаповского шоссе, оказавшегося в районе городской черты. О характере этого района, находящегося между станциями метро «Автозаводская» и «Волгоградский проспект» (в то время еще не существовавшей), говорят названия здешних улиц — Шарикоподшипников, 1-я и 2-я улицы Машиностроения, Автозаводская, Велозаводская...

Здесь, в трехэтажном школьном здании, по соседству с хлебозаводом и разместился на первых порах Институт мировой экономики и международных отношений. Предыдущим хозяином этого здания было расформированное республиканское министерство.

Летом 1957 г. Арзуманяну удастся заполучить новое помещение, на этот раз в самом престижном районе — в Китайском (теперь Китайгородском) проезде, в комплексе министерских зданий, по соседству с непроницаемо-грозным Главлитом (советская цензура). ИМЭМО был выделен здесь второй, спланированный в виде буквы «П» этаж, где кое-как смогли разместиться 250 научных сотрудников. Но, как и предыдущее здание, новая обитель стала лишь временным пристанищем ИМЭМО.

В 1961 г. Институт получит пятиэтажное гостиничное здание на 2-й Ярославской улице (дом 13), неподалеку от станции метро «ВДНХ». В этом, тоже временном «жилище» ИМЭМО обоснуется надолго — до весны 1978 г., когда, наконец, переберется в собственное 21-этажное здание на Профсоюзной улице.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 24. Л. 163.

Этим собственным домом ИМЭМО в значительной мере будет обязан, и это уже мало кто помнит из сотрудников Института, своему первому директору — А.А. Арзумянну, который еще в 1958 г. сумел убедить А.И. Микояна подписать правительственное Постановление о строительстве нового здания специально для Института мировой экономики и международных отношений¹.

Что касается Института экономики, то хлопоты его директора не увенчались успехом; Институт вынужден будет остаться на Волхонке, где проведет в тесноте еще долгие годы, прежде чем переберется в новое здание неподалеку от ИМЭМО.

Сразу же по выходе постановления об организации ИМЭМО его директор А.А. Арзумянн занялся подбором кадров. Начал он с заполнения вакансий двух своих заместителей по научной работе. Поиски были недолгими, так как кандидаты нашлись здесь же, в Отделе современного капитализма Института экономики — доктор экономических наук профессор Владимир Яковлевич Аболтин и кандидат экономических наук Александр Иванович Бечин.

Личность В.Я. Аболтина, проработавшего заместителем директора ИМЭМО почти двадцать лет (до 1975 г.) и более года (1965—1966) исполнявшего обязанности директора, всегда была окружена в Институте ореолом романтической таинственности. Одни говорили, что он бывший латышский стрелок, чуть ли не охранявший самого Ленина, другие намекали на его принадлежность к спецслужбам. При этом хорошо были известны его многочисленные научные публикации, посвященные вопросам международных отношений на Дальнем Востоке.

Так кем же в действительности был Владимир Яковлевич Аболтин?
Из автобиографии В.Я. Аболтина, написанной им в 1975 г.:

«...>Родился 1 октября 1899 г. в бедной крестьянской семье в Руйене Лифляндской губернии. Латыш. Братья участвовали в вооруженном восстании 1905 г. Емельян, член партии с 1902 г., руководитель восстания в Руйене, затем руководитель военной организации СДАК(б). В 1909 г. приговорен военным судом к смертной казни, сидел в тюрьме до 1913 г. В 1918 г. заключен немцами в концлагерь. В дальнейшем — на партийной и советской работе. Михаил, член партии с 1904 г., рабочий, осужден за участие в вооруженном

¹ Вот что вспоминает об этом близко и хорошо знавший А.А. Арзумяна ветеран ИМЭМО д.э.н. Я.А. Певзнер: «Где-то между 1957 и 1958 годами, но не позже, Арзумянн сумел подsunуть А.И. Микояну бумагу о необходимости строительства здания для Института мировой экономики и международных отношений. Вскоре появилось подписанное Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А.И. Микояном соответствующее правительственное постановление. Из-за трудностей с финансированием строительство здания затягивалось, неоднократно прерывалось и даже замораживалось. Заслуга в завершении этого дела, начатого Арзумянном, принадлежит Н.Н. Иноземцеву, который энергично взялся за него, и сумел довести до конца. В результате в 1978 году ИМЭМО получил собственное многоэтажное здание, что позволит Институту продержаться в самые трудные времена (т.е. в 90-е годы. — П.Ч.)» (запись беседы с Я.А. Певзнером 20 ноября 2001 г.)

восстании на 15 лет каторги; заключен в Бутырскую каторжную тюрьму, освобожден в 1917 г. Погиб в Самаре в боях против чехословаков и белогвардейцев.

В. Аболтин вступил в партию в июне 1917 г., будучи секретарем профсоюза торгово-промышленных служащих в Риге. Накануне захвата Риги германскими войсками уехал в Нижний Новгород, где работал в газете «Нижегородский рабоче-крестьянский листок».

В августе 1918 г. был направлен на подпольную работу в оккупированную Латвию. <...>

Весной 1919 г. направлен на Первые пехотные курсы комсостава Красной Армии. В составе курсов участвовал в боях против белоказаков на Дону, а осенью 1919 г. против армии Юденича под Петроградом.

По окончании курсов занимал различные политические и командные должности в 9-й армии, участвовал в боях против белоказацких повстанцев на Кубани в качестве уполномоченного РВС 9 при Ударном отряде. В 1921—1922 гг. командирован для проведения специальной военной работы за рубежом (в Турцию, куда в ноябре 1920 г. эвакуировались из Крыма остатки армии генерала П.Н. Врангеля. — П.Ч.). Летом 1922 г. был направлен в Военную академию (им. Фрунзе).

После окончания востфака (восточного факультета. — П.Ч.) Военной академии был назначен Председателем Полномочной комиссии ЦИК СССР по приему Северного Сахалина от японских оккупантов, а по завершении этой работы — Агентом НКВД на Сахалине (1925—1926 гг.).

В 1927—1928 гг. выполнял обязанности генконсула в Харбине.

С 1929 г. занимался научно-исследовательской работой по проблемам экономики и политики, а также истории зарубежных стран и Советского Союза. Совмещал эту работу некоторые годы с учебно-административной, преподавательской и иной деятельностью. <...>¹.

Как следует из этого документа, Аболтин не был ни латышским стрелком, ни охранником Ленина. Тем не менее его ранняя биография красноречиво говорит сама за себя — большевик-подпольщик, участник Гражданской войны, один из первых сотрудников советской военной разведки, агент-нелегал, резидент в Харбине — дальневосточной столице русской белой эмиграции, дипломат...

Принадлежность Аболтина к военной разведке подтверждается изданным в 2002 г. справочником по истории ГРУ, где его фамилия значится среди оперативных работников. В справочнике говорится, что в кадрах военной разведки Аболтин состоял с апреля 1921 г., когда закончил шестимесячные разведывательные курсы. Тогда он получил направление в армию в качестве начальника разведотдела штаба дивизии, а затем был командирован в Турцию².

¹ Личное дело В.Я. Аболтина // Архив ИМЭМО РАН.

² Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ. Дела и люди. СПб. — М., 2002. С. 330.

С 1929 г. Аболтин, оставаясь в кадрах военной разведки, переключается на научно-преподавательскую работу. В течение двух лет (1929—1931) он работает заместителем ректора Института востоковедения (Москва), затем старшим научным сотрудником ИМХМП (1931—1935), где становится доктором экономических наук. Сразу же после защиты диссертации Аболтина «под крышей» ТАСС отправляют на два года (1935—1937) в Пекин корреспондентом. Вернувшись из командировки, Аболтин назначается директором Государственного института иностранных языков в Иваново, а в 1939 г. вновь приходит в ИМХМП.

С декабря 1942 по май 1943 г. Аболтин находится в составе Резервного Отдельного Латышского пехотного полка, но в боевых действиях участия не принимает.

Между маем 1943 и 1948 годом в его анкете пробел. В упоминавшемся справочнике по истории ГРУ говорится, что Аболтин был репрессирован, но когда именно и в какой форме — об этом сведений нет. Сам Аболтин в служебных анкетах и в автобиографии ничего на этот счет не сообщает. Реабилитировали его в 1946 г.¹ Но самое удивительное — об этом косвенно свидетельствуют материалы его личного дела — в 1945 г. Аболтин находился в Германии.. Что он там делал и по какой линии — неизвестно.

В 1948 г. Аболтина принимают на работу в отдел общих проблем империализма в Институт экономики, где в 1953 г. он становится заведующим сектором, а в 1955 г. получает ученое звание профессора.

К этому времени Аболтин уже известный специалист по проблемам международных отношений на Дальнем Востоке, автор нескольких монографий, брошюр и десятков статей, опубликованных под псевдонимом В. Аварин².

Когда А.А. Арзуманян в 1952 г. перешел на работу в Институт экономики АН СССР, В.Я. Аболтин уже занимал там видное положение. Почти четыре года совместной работы расположили Арзуманяна к обстоятельному, сдержанно-суховатому и искушенному в организационно-административных делах Аболтину. Не удивительно, что именно ему он предложил занять место своего заместителя в создаваемом Институте мировой экономики и международных отношений. Аболтин должен был курировать те направления научных исследований, которые составляли вторую половину названия ИМЭМО, т.е. международно-политические исследования.

Должность другого зама — по собственно экономической проблематике — Арзуманян предложил Александру Ивановичу Бечину, который с мая 1954 г. возглавлял в Институте экономики сектор общих проблем империализма — тот самый, которым ранее руководил сам Арзуманян. Видимо, Арзуманян полностью полагался на Бечина и ценил его. По крайней мере дважды он удостоивал его своим доверием: первый раз — в 1954 г., второй — весной 1956-го.

¹ Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ. Дела и люди. СПб. — М., 2002. С. 330.

² См. например: Остров сокровищ — Северный Сахалин. Хабаровск, 1928; Империализм и Манчжурия. Этапы империалистической борьбы за Манчжурию. М., Л., 1931; Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М., 1947. Уже в ИМЭМО выйдет его большая работа: Распад колониальной системы. М., 1958.

В биографии Бечина не было столь интригующих эпизодов, как в жизни Аболтина. Он родился в 1906 г. в семье костромского крестьянина. Окончил девятилетку в Ташкенте, совпартшколу в Костроме (1925) и три курса Института марксизма-ленинизма в Ростове-на-Дону (1937).

С 1935 по 1939 год А.И. Бечин работает в Ростовском пединституте — сначала и.о. доцента кафедры политэкономии, затем деканом исторического факультета, наконец, директором Пединститута.

С 1940 до 1954 г. А.И. Бечин — на службе в Советской Армии. Он участвует в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны. С октября 1943 г. и до конца войны он замполит командира гвардейского стрелкового полка. В апреле 1944 г., при форсировании Днестра, Бечин получает контузию с повреждением слуха. Войну он заканчивает с четырьмя боевыми орденами и восемью медалями.

В 1948—1949 гг., оставаясь в кадрах Советской Армии, А.И. Бечин состоит соискателем на кафедре экономики и политики зарубежных стран АОН при ЦК ВКП(б), где защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук, а затем работает старшим преподавателем в Военно-политической академии им. В.И. Ленина.

В апреле 1954 г. полковник Бечин демобилизуется из армии и подает документы на работу в Институт экономики АН СССР. «Докладываю, — рапортует он в заявлении на имя директора Института члена-корреспондента АН СССР В.П. Дьяченко, — что приказом Министра Обороны СССР от 10.4.1954 г. я отчислен из кадров Советской Армии в запас. 19 апреля приказом Начальника Военно-политической академии им. В.И. Ленина отчислен из Академии и при- был в Ваше распоряжение. А. Бечин. 19.4.1954 г.»¹.

Бравый полковник-политэконом, видимо, произвел самое благоприятное впечатление на В.П. Дьяченко и его заместителя А.А. Арзуманяна, так как уже 1 мая того же года он был принят на работу в академический институт, причем сразу же на руководящую должность заведующего сектором общих проблем империализма, где работали серьезные ученые из бывшего ИМХМП, в том числе и сам академик Е.С. Варга.

Весной 1956 г. Арзуманян пригласил Бечина на аналогичную должность в ИМЭМО, а уже в сентябре сделал его своим вторым заместителем.

Однако в скором времени Арзуманян стал разочаровываться в своем протеже. Трудно теперь в точности сказать, что именно перестало устраивать Арзуманяна. Можно лишь предположить, что Бечин как руководитель оказался не на уровне вставших перед ИМЭМО задач в осмыслении новейших тенденций развития государственно-монополистического капитализма. По-видимому, его научно-идеологические воззрения, сформировавшиеся в АОН при ЦК ВКП(б) и в Военно-политической академии, существенно расходились с взглядами и оценками большинства ведущих экономистов ИМЭМО, включая самого Арзуманяна.

В должности заместителя директора Института А.И. Бечин проработал ровно три года. 18 сентября 1959 г., «по личной просьбе», он будет переведен

¹ Личное дело А.И. Бечина // Архив ИМЭМО РАН.

в старшие научные сотрудники, а через месяц возглавит сектор конъюнктуры (с сентября 1960 г. сектор мирового капиталистического рынка). В этой должности А.И. Бечин проработает почти десять лет, защитив в 1968 г. докторскую диссертацию. В 1973 г. он выйдет на пенсию.

Третьей «номенклатурной» должностью в любом академическом институте считается должность ученого секретаря. Этот пост Арзумян предложил занять кандидату исторических наук Игорю Сергеевичу Глаголеву, с 1954 г. работавшему в отделе общих проблем империализма Института экономики.

Арзумян считал, что этот интеллигентный, организованный и исполнительный человек как нельзя лучше подходил на роль ученого секретаря ИМЭМО. Менее всего директор мог тогда предположить, что через двадцать лет И.С. Глаголев «выберет свободу» и станет невозвращенцем. Вся его предшествующая биография, хорошо известная Арзумяну, казалось бы, полностью исключала такую возможность.

Из личного дела, сохранившегося в архиве ИМЭМО, можно узнать, что И.С. Глаголев родился в 1920 г. в г. Белёве в семье архитектора-художника и педагога. В 1924 г. семья Глаголевых переехала в Ленинград, где Игорь Сергеевич в 1938 г. окончил среднюю школу и поступил на английское отделение филологического факультета ЛГУ. В июле 1941-го Глаголев становится курсантом 3-го Ленинградского артиллерийского училища, но уже в ноябре того же года увольняется в запас вследствие нервного заболевания. Он перебирается в Саратов, где поступает на 4-й курс Саратовского пединститута, а затем переводится в эвакуированный на берега Волги родной Ленинградский университет. По окончании учебы Глаголев получает назначение на работу в ТАСС и переезжает в Москву, а в апреле 1943 г. поступает в аспирантуру ИМХМП. Здесь в 1947 г., он защищает диссертацию на тему «Отношения между США и гитлеровской Германией до второй мировой войны». Здесь же, годом ранее, он становится членом ВКП(б).

По всей видимости, Глаголеву не были чужды карьерные устремления, причем не в области науки. Можно предположить, что он мечтал стать дипломатом, так как сразу же по окончании аспирантуры, еще до защиты диссертации, он поступает в Высшую дипломатическую школу МИД СССР. Окончив ВДШ в январе 1948 г., Глаголев решением ЦК ВКП(б) назначается политическим обозревателем Совинформбюро.

В январе 1951 г. другим решением ЦК Глаголев направляется в Берлин на работу в Союзный Контрольный Совет в Германии (СКСГ), где руководит отделом печати и радио СКСГ, затем работает ответственным секретарем и и.о. главного редактора газеты «Теглихе Рундшау» (орган СКСГ). По совместительству в 1952 г. Глаголев исполнял обязанности главного редактора журнала «Нойе Вельт».

По каким-то причинам дальнейшая карьера И.С. Глаголева не задалась. В 1953 г. он возвращается в Москву и получает скромное назначение на должность заведующего отделом экономики зарубежных стран в журнале «Вопросы экономики». А год спустя переходит в Институт экономики на должность младшего научного сотрудника (со степенью).

Предложение занять пост ученого секретаря ИМЭМО, полученное от Арзуманяна, давало Глаголеву надежду на возобновление несложившейся карьеры. Он с благодарностью принимает это предложение и с головой погружается в организационные дела по формированию Института.

Будучи человеком весьма сдержанным, даже замкнутым, Глаголев неожиданно обнаруживает сочувствие к освобожденным из ГУЛАГа жертвам сталинских репрессий. Один из них, Яков Яковлевич Этингер, просидевший несколько лет в тюрьмах и лагерях по «делу врачей», с благодарностью вспоминает, что И.С. Глаголев принял самое горячее участие в его устройстве на работу в ИМЭМО в августе 1956 г. *«Будучи в душе противником большевизма, — пишет Я.Я. Этингер в своей книге, — он (Глаголев. — П.Ч.), очевидно, считал своим долгом помогать тем, кто от него пострадал»*¹. Тщательно скрываемая оппозиционность Глаголева коммунистическому режиму обнаружит себя только через двадцать лет, а до тех пор он ничем не выделялся из общей массы научных сотрудников — разве что крайне осторожным поведением и сдержанностью в разговорах с коллегами.

В должности ученого секретаря Института Глаголев проработает до 1959 г., когда перейдет на работу в группу, изучавшую проблемы разоружения. «Разоруженческой» проблематике будут посвящены все его публикации, в частности монографии «Влияние разоружения на экономику» и «Международная безопасность и экономическое развитие».

В 1973 г., в связи с расформированием сектора разоружения, в котором он работал, И.С. Глаголев уйдет из ИМЭМО в Институт истории СССР АН СССР, а четыре года спустя не вернется из загранкомандировки в Иорданию. Став невозвращенцем, Глаголев вскоре возглавит в эмиграции Ассоциацию за сотрудничество демократических стран. Он умрет в начале 90-х годов.

Поскольку речь зашла о невозвращенцах, то нельзя обойти вниманием другого бывшего сотрудника ИМЭМО «первого призыва». Речь идет о докторе исторических наук Михаиле Сергеевиче Восленском, видном советском германисте, прославившемся впоследствии своей книгой «Номенклатура». Он проработал в ИМЭМО почти полтора десятилетия — с августа 1956 до апреля 1970-го.

М.С. Восленский родился в 1920 г. в г. Бердянске Таврической губернии в интеллигентной семье. Его отец был экономистом, мать — преподавателем математики. Родители переехали в Москву, когда мальчику было пять лет. В 1939 г. М. Восленский окончил десятилетку и поступил на исторический факультет МГУ, где все годы учился на «отлично» и получал именную (Сталинскую) стипендию. На фронт он по каким-то причинам не попал.

Отработав год по распределению в Коломенском учительском институте, Восленский возвращается в Москву, и в 1945 г. поступает в аспирантуру. В 1946-м его, свободно говорившего на немецком, французском и английском языках, командируют в Германию в качестве сотрудника Международного Военного Трибунала в Нюрнберге и Союзного Контрольного Совета в Герма-

¹ Этингер Я.Я. Это невозможно забыть... Воспоминания. М., 2001. С. 216–217.

нии. Вернувшись в 1947 г. в Москву, Восленский завершает кандидатскую диссертацию и в 1950 г. успешно защищает ее в МГИМО МИД СССР.

В 1950—1953 гг. он работает в Совинформбюро, затем в Секретариате Всемирного Совета Мира и в Академии наук. Уже в эти годы он объездил с командировками многие европейские страны, будучи не только холостяком, но и беспартийным, что в советской системе было исключительным случаем для «выездных». В 1954 г. Восленский публикует свою первую монографию «Из истории политики США в германском вопросе (1918—1919)».

В ноябре 1955 г. Восленский поступает на работу в сектор общих проблем империализма Института экономики АН СССР, откуда в августе 1956 г. переходит в ИМЭМО — сначала в сектор международных отношений, а потом возглавляет группу в Отделе информации. В ИМЭМО в 1965 г. он защищает докторскую диссертацию. Все это время Восленский часто выезжает в заграничные командировки по линии АН СССР, Советского комитета защиты мира, Пагуошского комитета. Он становится ученым секретарем Комиссии по научным проблемам разоружения при Президиуме АН СССР, преподает в МГПИ им. В.И. Ленина и в Университет Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы. В центре его научных интересов — внутривосточное положение и внешняя политика ФРГ, а также проблематика разоружения.

В апреле 1970 г. М.С. Восленский переходит на работу в Институт всеобщей истории АН СССР, а спустя несколько лет, будучи в командировке в ФРГ, остается там на положении невозвращенца. В отличие от Глаголева, своего сослуживца по ИМЭМО, Восленский умрет в ореоле широкой известности, успев увидеть крушение власти той самой советской номенклатуры, которой посвящена его ставшая знаменитой книга.

Одновременно с формированием «штаба» по управлению Институтом, Арзумян занимался подбором руководителей научных подразделений — секторов. В соответствии с основными задачами, поставленными перед ИМЭМО Постановлением Президиума АН СССР от 13 апреля 1956 г., в Институте формировались 12 проблемно-региональных секторов. В подавляющем большинстве случаев на заведование этими секторами Арзумян пригласил авторитетных специалистов, хорошо известных ему по совместной работе в Институте экономики. Часть из них прежде работали в Институте Варги. Были и такие, кто при ликвидации ИМХМП в 1947 г. не попал в Институт экономики и по существу на многие годы был выброшен из науки.

К их числу, например, относился доктор экономических наук Лев Абрамович Мендельсон, крупный знаток теоретических проблем политэкономики капитализма, один из самых плодовитых «имховцев». В первые дни войны он отказался от имевшейся у него брони и пошел добровольцем на фронт, провоевав, как говорится, «от звонка до звонка». После окончания войны он вернулся в ИМХМП и возобновил научные исследования. Однако через три года, при ликвидации Института Варги, его, как «безродного космополита», не взяли на работу в Институт экономики. С трудом найдя себе средства к существованию, Мендельсон продолжал заниматься интересующими его научными проблемами.

Арзуманян знал его публикации и, как только представилась возможность, пригласил в свой Институт на должность старшего научного сотрудника в сектор общих проблем империализма, которым поначалу руководил А.И. Бечин. Год спустя, в августе 1957-го, Л.А. Мендельсон возглавил этот важнейший сектор ИМЭМО.

К лету 1956 г. структура ИМЭМО обрела свой первоначальный вид; она включала в себя 12 секторов:

Сектор общих проблем империализма (заведующий — к.э.н. А.И. Бечин);

Сектор положения и борьбы рабочего класса (заведующий — к.э.н. С.М. Иванов);

Сектор международных отношений (заведующий — к.и.н. Н.Н. Иноземцев);

Сектор аграрных проблем (заведующий — д.э.н. А.М. Гуревич);

Сектор США (заведующий — д.э.н. М.И. Рубинштейн);

Сектор Британской империи (заведующий — д.э.н. И.М. Лемин);

Сектор западноевропейских стран (заведующий — к.э.н. Кирсанов А.В.);

Сектор Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока (заведующий — к.и.н. А.А. Поляк);

Сектор Африки, Ближнего и Среднего Востока (заведующий — к.э.н. Г.Е. Скоров);

Сектор Латинской Америки (заведующий — к.э.н. М.В. Данилевич);

Сектор конъюнктуры (заведующий — к.э.н. А.А. Манукян);

Сектор информации (заведующий — к.э.н. В.Г. Солодовников).

Чуть позже будет создан Сектор проблем милитаризации экономики капиталистических стран во главе с д.э.н. А.А. Санталовым, взявший на себя исследование технико-экономических проблем современного капитализма. А в рамках сектора Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока была сформирована группа по изучению Японии во главе с д.э.н. Я.А. Певзнером.

В течение первых двух лет существования ИМЭМО произойдут некоторые изменения в руководстве отдельными секторами¹, но структура Института останется неизменной. Со временем большинство секторов превратится в отделы, появятся новые научные подразделения.

Постановление об организации ИМЭМО предусматривало, что Институт создается на базе отдела общих проблем империализма Института экономики АН СССР. К весне 1956 г. в отделе работало около 90 научных и научно-технических сотрудников. Практически все они сразу же были зачислены в штат ИМЭМО.

А.А. Арзуманяну предстояло заполнить оставшиеся 210 вакансий. С самого начала он лично контролировал этот процесс, не поручая его никому, даже своим заместителям и ученому секретарю. Можно с полной уверенностью утверждать, что в первые годы становления ИМЭМО ни один человек «со сто-

¹ Так, в 1957 г. сектор аграрных проблем вместо А.М. Гуревича возглавит к.э.н. А.А. Шлихтер; а сектор положения и борьбы рабочего класса вместо С.М. Иванова в 1958 г. возглавит д.э.н. В.В. Любимова.

роны» не мог быть принят в Институт без личной санкции Арзуманяна, который не только сам изучал анкетные данные того или иного кандидата, но и находил время, чтобы предварительно встретиться с ним. Разумеется, в деле подбора кадров Арзуманян опирался на рекомендации своих заместителей, заведующих секторами и ведущих ученых, но при этом всегда хотел составить собственное представление о рекомендуемом человеке.

Чем руководствовался создатель ИМЭМО в подборе кадров?

Исключительно интересами дела, и только дела. Создавая уникальный исследовательский центр по изучению мирохозяйственных и международно-политических проблем, Арзуманян нуждался в высококлассных специалистах, каковые в СССР были наперечет и к тому же в большинстве своем относились к старшей возрастной категории. Для него не был секретом тот факт, что отдельные, даже крупные экономисты-международники были подвержены «коминтерновскому», по определению академика Г.А. Арбатова, догматизму¹; они смотрели на современный капитализм исключительно через призму идеологии, глазами Маркса и Ленина, не всегда соотносясь с реалиями середины XX века. Основная же масса советских экономистов среднего и младшего поколений сформировалась в лоне ортодоксального сталинизма с его крайне деформированным восприятием действительности.

Разумеется, и сам Арзуманян был убежденным коммунистом, но он был коммунистом-прогрессистом, если такое понятие вообще применимо к КПСС послесталинской эпохи. Во всяком случае он был убежденным и последовательным приверженцем линии XX съезда на демократизацию общественной жизни и освобождения экономической науки от пут сталинизма.

Этими убеждениями Арзуманян во многом руководствовался, подбирая сотрудников в свой Институт. Весьма характерно, что на должность начальника отдела кадров ИМЭМО он взял не отставного полковника или «действующего резервиста» КГБ, как было принято во всех советских госучреждениях, а милую девушку, Евгению Дмитриевну Демьянову, проработавшую в Институте до середины 90-х годов. Даже в строго-режимной спецчасти, через которую проходила вся секретная переписка Института с директивными инстанциями, около двадцати лет работала добрейшая, и притом сугубо штатская женщина — Елена Александровна Прошкина.

Не случайным было и приглашение в ИМЭМО вернувшихся из сталинских лагерей авторитетных специалистов — С.А. Далина, Е.А. Громова, В.В. Зубчанинова, В.И. Каплана. В Институт, как уже говорилось, был зачислен и молодой выпускник-экстерн исторического факультета МГУ Я.Я. Этингер, отбывший четыре года в ГУЛАГе по «делу врачей». При всем благожелательном отношении к нему ученого секретаря ИМЭМО И.С. Глаголева, принятие Этингера на работу было возможно только с согласия Арзуманяна, который считал своим долгом помогать жертвам сталинизма, тем более если они могли быть полезными для его Института.

¹ Арбатов Георгий. Указ. соч. С. 114

Арзуманян принял на работу вернувшуюся из ссылки Инессу Михайловну Иванову, дочь расстрелянного в 1950 г. по «ленинградскому делу» Председателя Совета Министров РСФСР М.И. Родионова. В ИМЭМО она станет видным специалистом в изучении атлантизма и американо-западноевропейских отношений.

По этим же причинам Арзуманян взял в ИМЭМО упоминавшегося уже д.э.н. Л.А. Мендельсона, крупного германиста д.э.н. Е.Л. Хмельницкую, талантливую японистку к.э.н. Е.А. Пигулевскую и ряд других ученых, выброшенных в разное время из академической науки по политическим мотивам.

И все же наличных сил было явно недостаточно для развертывания исследований по всему спектру поставленных перед ИМЭМО задач. Арзуманян сделал ставку на привлечение в Институт творческой молодежи. И это, пожалуй, было наиболее трудным делом, так как большинство кандидатов на зачисление были для директора «вещью в себе». И тем не менее, как вспоминает Г.А. Арбатов, Арзуманян «не побоялся пригласить (в том числе на ответственные посты) большую группу творческой молодежи... — Н.Н. Иноземцева, заботливо им выращенного и оправдавшего его надежды, ...В.А. Мартынова, В.Л. Тягуненко, О.Н. Быкова, Г.Е. Скорова, Т.Т. Тимофеева, Е.С. Хесина, В.В. Рымалова, И.М. Осагчю, С.М. Никитина и др.»¹.

Между тем молва об открытии Института мировой экономики и международных отношений широко распространилась среди московской интеллигенции, особенно в ее молодежной части. Привлекало уже само название этого академического учреждения, обещавшего приобщение к чему-то недостижимо-запретному для большинства советских граждан. Даже возможность регулярно читать «Таймс», «Монд» или «Ди Вельт», не говоря уже о «Пари-Матч», «Шпигель» или «Ю.С. Ньюс энд Уорлд Рипорт» казалась невероятным счастьем для молодых интеллектуалов, лишенных всех средств информации, кроме «Правды», «Огонька» и им подобных партийно-идеологических изданий.

Уже летом 1956 г. Арзуманян был буквально завален предложениями заинтересованных лиц и рекомендательными письмами уважаемых людей, хлопотавших за своих протеже. Некоторые из этих писем сохранились в Архиве РАН.

«Глубокоуважаемый товарищ Арзуманян! — писал крупнейший советский историк-германист профессор А.С. Ерусалимский. — Большое спасибо за предоставленную фотографию. Еще в Женеве мне хотелось поговорить с Вами о подателе сего письма тов. Александре Борисовиче Вебере и порекомендовать принять его на работу в Ваш Институт. Зная его еще по Университету, а затем по его диссертации, я со всей ответственностью могу заверить Вас, что в лице тов. Вебера Вы будете иметь молодого, очень способного, вдумчивого и скромного ученого, уже теперь хорошо разбирающегося в экономике и политике современной Германии. Жму руку. А. Ерусалимский. 27 августа 1956»².

«Анушаван Агафонович! — обращался к Арзуманяну его старый товарищ Лев Шаумян, один из руководителей Большой Советской Энциклопедии, сын

¹ Арбатов Георгий. Указ. соч. С. 113.

² Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 113. Л. 11.

погибшего в 1918 г. видного большевика Степана Шаумяна. — *Во-первых, привет. Во-вторых, просьба принять тов. Клана и поговорить с ним. Он по образованию историк, но энтузиаст политэкономии, самостоятельно длительное время занимается вопросами обнищания пролетариата. Может быть, в результате беседы выявится, что он подходящий человек для работы в Институте. Желаю счастья. Л. Шаумян. 1.X.56*¹.

В Личном фонде Арзумяна в Архиве РАН можно встретить и другие подобного рода рекомендательные письма, а также заявления самих кандидатов на трудоустройство в ИМЭМО. А сколько было телефонных звонков от влиятельных лиц, желавших устроить своих чад и родственников в престижный Институт? Арзумян лично разбирался с каждым из этих ходатайств, исходя прежде всего из соображений полезности того или иного человека для работы в Институте.

Вот что вспоминает по этому поводу С.А. Микоян, хлопотавший в то время за своего друга-однокурсника по МГИМО Семена Наделя, бывшего стрелка-радиста ВВС, получившего в годы войны югославский орден за участие в спасении Эдварда Карделя из немецкого окружения. *«Когда я попросил Анушавана Агафоновича взять Сеню в ИМЭМО и гарантировал, что он не пожалеет, — пишет Микоян, — тот спросил: «А он усидчив?». Я ответил, что в отличие от меня он будет не вылезать из читального зала. Потом Арзумян принял Наделя и спросил: «Какая научная проблема вас интересует? Чем вы хотели бы заниматься в Институте?» — «Социальная структура современного капитализма» — ответил Сеня, уже интересовавшийся проблематикой института. «Как же вы сможете ее изучать, пока не знаете разницу между процентом и дивидендами? Я вас направлю в сектор конъюнктуры, где вы узнаете основы современного капитализма». («Кстати, — замечает Микоян, — впоследствии Надель стал основателем социального направления в изучении современного капитализма в ИМЭМО)»².*

Что касается самого Серго Микояна, то Арзумян взял его младшим редактором в журнал «Мировая экономика и международные отношения», а впоследствии, после перехода непосредственно в ИМЭМО в 1960 г., несколько лет держал племянника, к тому времени уже кандидата наук, в должности младшего научного сотрудника, *«дабы не создавать впечатления семейственности и покровительства мне»*, как вспоминает Микоян³.

При формировании Института Арзумян столкнулся с одной деликатной кадровой проблемой, порожденной неискоренимым антисемитизмом, утвердившимся еще при Сталине в аппарате ЦК КПСС, особенно в Агитпропе и в отделе науки. Сейчас уже достоверно известно, кто именно после 1953 г. был главным вдохновителем антисемитизма на Старой площади — член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК М.А. Суслов.

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 113. Л. 12.

² Микоян С.А. Указ. соч. С. 29–30.

³ Там же. С. 25.

Можно лишь догадываться о том давлении, которое оказывалось на Арзуманяна высшими партийными чиновниками в вопросе кадрового комплектования ИМЭМО, призванного обслуживать директивные инстанции. Безусловно, у него была негласная разнарядка на процент допустимого присутствия евреев в штате Института, которую он постоянно нарушал и нередко вынужден был объясняться по этому поводу в отделе науки и других местах.

Арзуманян, по всеобщему мнению знавших его людей, был чужд антисемитских настроений. Формируя Институт, он исходил прежде всего из профессиональных качеств известных ему людей, а также из оценки способностей и творческого потенциала молодых специалистов. Когда речь шла о людях с известными в науке именами, независимо от того, как звучали их фамилии, Арзуманян решал вопрос без колебаний, если этот человек был необходим Институту. Другое дело — молодежь. Здесь, под давлением сверху, он вынужден был интересоваться в том числе и пресловутым «пятым пунктом», что вызывало у него приступы не всегда понятного для окружающих раздражения.

Попасть в ИМЭМО было нелегко и людям с русскими фамилиями, даже при наличии серьезной поддержки. Так, например, несколько месяцев добивалась этого кандидат экономических наук Маргарита Матвеевна Максимова, бывший работник ЦК ВЛКСМ, в то время жена торгпреда СССР в ФРГ, за которую ходатайствовали ученый секретарь ИМЭМО и один из заместителей Арзуманяна. Со временем она станет одним из ведущих ученых ИМЭМО, признанным авторитетом в изучении европейской интеграции и проблем международного экономического сотрудничества. А тогда, по собственному признанию М.М. Максимовой, Арзуманян долго и упорно отказывался взять на работу *«какую-то очередную фифочку и чью-то там жену»*¹.

Гораздо проще решался вопрос о зачислении в сразу же ставший весьма престижным ИМЭМО детей и родственников лиц из высшей советской номенклатуры. В самом начале на работу в Институт пришла и долгие годы проработала там дочь Н.С. Хрущева, Елена; сюда, как уже говорилось, устроился сын А.И. Микояна Серго. Здесь же работали внук тогдашнего члена Президиума ЦК КПСС Л.М. Кагановича Игорь; дочь первого Председателя КГБ, впоследствии Начальника ГРУ И.А. Серова, Светлана; дочь Генерального Прокурора СССР Р.А. Руденко Лариса; дочь и сноха министра иностранных дел А.А. Громыко; сын бывшего Председателя Исполкома Моссовета В.П. Пронина Сергей²; сын бывшего министра внешней торговли СССР и видного дипломата М.А. Меньшикова Станислав...³ Как правило, они удачно вписывались в научный коллектив ИМЭМО, а сам факт их принадлежности к Институту Арзуманяна укреплял позиции директора в глазах той же номенклатуры.

ИМЭМО и в последующие годы продолжал привлекать членов «номенклатурных» семей: Геннадий Воронцов, зять кандидата в члены Политбюро, секре-

¹ Беседа с М.М. Максимовой 9 января 2002 г.

² В середине 60-х годов он был ученым секретарем ИМЭМО.

³ Впоследствии д.э.н. С.М. Меньшиков станет заместителем директора ИМЭМО.

таря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева; Светлана Загладина¹, жена заместителя Пономарева в Международном отделе ЦК; Ольга Захарова, сноха начальника Генштаба МО СССР, маршала М.В. Захарова; Екатерина Козырева, дочь заместителя министра иностранных дел СССР С.П. Козырева; Марина Меньшикова, дочь посла СССР в Канаде, впоследствии министра иностранных дел РСФСР А.А. Арутюняна; Федор Сергеев, внук Долорес Ибаррури — все они работали в ИМЭМО. Долгие годы в Институте проработал Герман Михайлович Свердлов, сводный брат Председателя ВЦИК Я.М. Свердлова. Здесь же трудились жены нескольких руководящих работников ЦК КПСС, КГБ СССР, других советских «инстанций».

С некоторых пор работать в ИМЭМО стало столь же престижно, как и учиться в МГИМО, многие выпускники которого, не попавшие по разным причинам в ЦК КПСС, МИД, Внешторг или ТАСС, стремились устроиться в ИМЭМО.

В отдельных случаях Арзуманян принимал на работу и лиц с «подмоченной» биографией, если речь шла о хороших специалистах. Причем это были не только вчерашние узники ГУЛАГа, о чем уже говорилось.

Одним из первых в ИМЭМО пришел Григорий Иосифович Морозов. Это был первый муж Светланы Аллилуевой. Сталин не принял этот брак и сделал все, чтобы развести молодых супругов, несмотря на то, что у них уже родился сын, названный в честь деда. Для начала он приказал арестовать отца Морозова, а потом сумел заставить свою дочь подать на развод.

Г.И. Морозов — фронтовик, после войны окончивший МГИМО и только начинавший обустраивать жизнь, неожиданно потерял не только жену и сына, но и уверенность в завтрашнем дне. Последовали долгие годы безработицы. Пока был жив Сталин, Морозов имел все основания ожидать ареста. Но и после смерти бывшего тестя он продолжал перебиваться случайными заработками².

Предложение поступить на работу в ИМЭМО, устроенное стараниями его друга Н.Н. Иноземцева, было сразу же принято Морозовым. В Институте он поначалу будет участвовать в подготовке выпусков «Международно-политического ежегодника. Экономика и Политика», а затем возглавит отдел международных организаций, занявшись, в частности, проблемами деятельности ООН. Этому будет посвящена его докторская диссертация.

Одновременно с Морозовым в 1956 г. на работу в ИМЭМО пришел Владимир Михайлович Шамберг, внук расстрелянного в 1952 г. по приказу Сталина С.А. Лозовского, бывшего заместителя наркома иностранных дел, начальника Совинформбюро и руководителя Еврейского антифашистского комитета. В.М. Шамберг был женат на дочери Г.М. Маленкова, который сразу же после ареста Лозовского поспешил развести молодоженов. Тот факт, что Шамберг-старший долгое время был заместителем Маленкова в ЦК ВКП(б), не повлиял на решение сталинского фаворита.

В 1956 г. В.М. Шамберг будет принят в отдел информации ИМЭМО, через два года возглавит его, а со временем станет доктором исторических наук, вид-

¹ В течение нескольких лет она возглавляла профсоюзную организацию ИМЭМО.

² Нелегкая судьба Г.И. Морозова легла в основу известной в свое время песни Булата Окуджавы, где есть слова: «...Ему б чего-нибудь попроще, а он циркачку полюбил...»

ным американистом. В 90-е годы он эмигрирует в США, где займется преподавательской деятельностью.

В начале 60-х годов в ИМЭМО из МГИМО был переведен кандидат исторических наук, доцент Алексей Дмитриевич Никонов. Из МГИМО его убрали по одной-единственной причине — он был зятем В.М. Молотова, снятого Хрущевым со всех руководящих постов и даже исключенного из партии. В МГИМО не пожелали держать у себя А.Д. Никонова, хотя работал он хорошо и пользовался популярностью у студентов. Арзуманян взял его в свой Институт, где Никонов, защитив докторскую диссертацию, в 70-е годы возглавит одно из направлений военно-политических исследований международных отношений.

К началу ноября 1956 г. в ИМЭМО числился 251 сотрудник (при штатном расписании в 300 единиц). В большинстве своем (169 человек) это были «люди со стороны» — молодые научные сотрудники, вчерашние выпускники МГИМО, экономического, географического и исторического факультетов МГУ, АГУ, МГПИ им. В.И. Ленина, других престижных вузов Москвы. Имелись и люди с опытом работы в ведомственных НИИ экономического профиля, журналисты, издательские редакторы-переводчики и т.д. Появились отставные военные и бывшие сотрудники разведки, о чем еще будет сказано.

В Институте с первых дней работали два крупных дипломата в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла — Василий Алексеевич Вальков и Александр Андреевич Лаврищев, по разным причинам покинувшие МИД в 1956 г.

Это были дипломаты «молотовского призыва». Оба они пришли на дипломатическую службу в 1939 г., после того как практически весь руководящий состав НКВД был репрессирован.

В.А. Вальков, по образованию инженер-экономист, с 1934 г. работал в должности доцента на кафедре экономики машиностроения в Ленинградском политехническом институте. В 1939 г. он был вызван в Москву и назначен заведующим отделом американских стран НКВД СССР; в 1942—1944 гг. он советник Посольства СССР в Великобритании; в 1945—1949 — Посол СССР в Нидерландах; в 1949—1953 заведовал отделом балканских стран в МИД СССР; в 1953—1955 гг. — Посол СССР в Югославии, а с сентября 1955 по июнь 1956 г. — заместитель заведующего 1-м Европейским отделом МИД СССР.

В ИМЭМО Вальков поначалу специализировался на изучении экономических и политических проблем стран Бенилюкса, а затем перешел в сектор внутренней и внешней политики США. Им были подготовлены две монографии — «Индонезия на пути независимого развития» и «СССР и США. Их политические и экономические отношения в 1917—1941 гг.». В 1972 г. В.А. Вальков вышел на пенсию.

А.А. Лаврищев, заведовавший по окончании ИФЛИ¹ кафедрой социально-экономических дисциплин в Ивановском пединституте, в 1939 г. неожиданно

¹ ИФЛИ — Институт философии, литературы и истории, существовавший в Москве в 1931—1941 гг. (в 1931—1937 гг. ИФЛИ существовал также в Ленинграде). В ИФЛИ, в частности, учился А.Т. Твардовский, которого хорошо знал А.А. Лаврищев, возглавлявший институтскую партийную организацию.

был вызван в Москву и назначен 1-м секретарем полпредства СССР в Болгарии. В 1940—1944 гг. он уже посланник в Софии; в 1944—1945 — Политический советник в Союзной Контрольной Комиссии в Румынии, а затем в Болгарии; с 1945 до 1948 г. — заведующий отделом балканских стран МИД СССР; в 1948—1954 — Посол СССР в Турции; февраль—август 1954 г. — заведующий 1-м Европейским отделом МИД СССР; август 1954 — январь 1956 г. — Посол СССР в ДРВ; февраль—август 1956 г. — в резерве МИД СССР. Участник Потсдамской конференции (1945) и Женевского совещания по Индокитаю (1954). В августе 1956 г. переведен из МИД в ИМЭМО, где проработал до ухода на пенсию в марте 1975 г.

В Институте Лаврищев несколько лет возглавлял партийную организацию и руководил сектором внешней политики суверенных стран Азии, Африки и Латинской Америки. Сам он специализировался на изучении проблем Юго-Восточной Азии, опубликовав содержательную монографию по истории Индокитайского вопроса после Второй мировой войны.

Другую часть научного контингента ИМЭМО (82 человека) составляли бывшие сотрудники отдела общих проблем империализма Института экономики АН СССР во главе с самим А.А. Арзуманяном и тремя академиками — Е.С. Варгой, И.А. Трахтенбергом и Л.Н. Ивановым. Правда, первые два уже давно были в пенсионном возрасте, а третий часто и подолгу болел. Академик Л.Н. Иванов умер в 1957 г., через год после основания ИМЭМО.

Что касается Трахтенберга и особенно Варги, то они будут активно и плодотворно работать в Институте до последних дней жизни. Практически замолчав после 1949 г., Варга словно ожил после XX съезда, и развернул бурную активность с приходом в ИМЭМО. В 1956 г. им было опубликовано шесть статей, в 1957-м — девять, а в 1959-м — уже одиннадцать. В 1961 г. он выпускает монографию «Капитализм XX века», а в 1964-м — фундаментальный труд «Очерки по проблемам политэкономии капитализма». В ней, по словам академика Н.Н. Иноземцева, были «поставлены и рассмотрены коренные вопросы современного капитализма: роль государства и государственно-монополистического капитализма, новые формы межимпериалистических противоречий, роль буржуазии в национально-освободительном движении, положение и общественное сознание рабочего класса, ценообразование и прибыль в условиях господства монополий, циклы и кризисы, западноевропейская интеграция и ряд других»¹.

В 1963 г., за год до смерти, Е.С. Варга будет удостоен высшей в СССР степени отличия ученого — Ленинской премии, данной ему за книгу «Современный капитализм и экономические кризисы». Во многом это произошло благодаря хлопотам А.А. Арзуманяна, считавшего себя продолжателем дела, начатого Е.С. Варгой еще в середине 20-х годов.

Когда научный коллектив ИМЭМО в первый раз собрался по случаю 39-й годовщины Октябрьской революции, то, как вспоминает ветеран Института

¹ Из выступления Н.Н. Иноземцева 1 ноября 1979 г. на научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения Е.С. Варги // Творческое наследие академика Е.С. Варги. М., 1981. С. 10.

д.э.н. Е.С. Хесин, все уместились за одним длинным столом, накрытым по случаю праздника в бывшем школьном здании на Сукином болоте.

Кадровое формирование Института продолжалось и в дальнейшем. По официальным данным, на 10 июня 1957 г. в ИМЭМО числились уже 279 человек (128 женщин и 151 мужчина). Из них: докторов наук — 12, кандидатов наук — 89, старших научных сотрудников — 53 человека, младших научных сотрудников с ученой степенью — 38, без степени — 76. В дирекции, АХО и библиотеке числилось 69 человек. В Институте работали 118 членов КПСС, два кандидата в члены КПСС, 56 членов ВЛКСМ и 103 беспартийных.

Большим разнообразием отличался национальный состав ИМЭМО: русские — 206 человек, евреи — 41, армяне — 10, украинцы — 6, белорусы — 3, татары — 2, латыши — 2, поляки — 2, эстонцы — 1, осетины — 1, болгары — 1. В Институте работали также один иранец, один дигирец, один езид и один индонезиец¹.

Таков был первоначальный научный контингент ИМЭМО, с которым А.А. Арзуманян приступил к выполнению возложенных на Институт задач.

Журнал «МЭ и МО» и его главный редактор

Постановление об организации ИМЭМО предусматривало издание Институтом ежемесячного журнала «Мировая экономика и международные отношения», в котором должны были освещаться «проблемы экономики и политики капиталистических стран, рабочего движения и соревнования двух мировых систем»². Название журнала было придумано лично Арзуманяном; оно должно было служить своеобразной визитной карточкой ИМЭМО — одновременно в глазах общественного мнения и вышестоящего начальства от идеологии, что было не одно и то же.

Дело в том, что с самого начала Институт был призван просвещать не только «верхи», но и «низы». Разница в выполнении этой двойной функции заключалась в степени правдивости и откровенности подаваемой ИМЭМО наверх информации. После XX съезда там появилось желание иметь представление о реальном положении дел в мире. «Низы» же, во избежание опасных искушений, по-прежнему предписывалось держать на строгой идеологической «диете».

«Стандарты, которые допускались в печати и даже в научных изданиях, оставались в основном прежними, — пишет в своих воспоминаниях академик Г.А. Арбатов, — и на их страже стояло еще множество бдительных «охранителей основ», политических ортодоксов, которым, кстати, и начальство никогда не препятствовало, если те брались в пух и прах разносить любую свежую, нестандартную, содержащую новые мысли работу, тем более если ее автор покушался на «священные» догмы.

¹ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 119. Л. 9–10.

² Архив ИМЭМО РАН.

Такая ситуация, — продолжает Арбатов, — конечно же, крайне затрудняла Арзумянну развертывание института как исследовательского центра нового типа. Уже позже — в начале 60-х годов — у меня как-то был с ним обстоятельный разговор на эту тему, и Анушаван Агафонович откровенно рассказал, как он выходил из положения. В журнале института, в выпускаемых им книгах соблюдалась необходимая ортодоксальность. Достаточно почитать эти книги, так же как журнал «Мировая экономика и международные отношения» в первые годы его издания, чтобы в этом убедиться: там продолжали взахлеб причитать о «шаткости и неустойчивости» капиталистической экономики, о приближающихся ее «новых потрясениях» и «кризисах» и обещали в недалеком будущем «догнать и перегнать» наиболее развитые капиталистические страны по производству всех важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения. Но в то же время в записках, направляемых руководству, давалась куда более реалистическая картина. В ходе работы над записками, во внутренних дискуссиях, связанных с их подготовкой, как сказал тогда Арзумян, росли кадры, люди понемногу освобождались от догматизма, учились писать по-новому. И потом, постепенно это начало сказываться и на публикациях в открытой печати»¹.

Таким образом, можно сказать, что Арзумян надеялся благополучно провести ИМЭМО вместе с его журналом между Сциллой и Харибдой, т.е. между идеологическими требованиями партаппарата со Старой площади и возросшими потребностями общества в знаниях об окружающем мире.

Отдел науки и отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС сообщал позаботились, чтобы во главе журнала «МЭ и МО» встал проверенный, идеологически закаленный человек, способный нейтрализовать «буржуазно-реформистские» наклонности части научных сотрудников ИМЭМО и других потенциальных авторов журнала.

Решением Секретариата ЦК КПСС главным редактором журнала в январе 1957 г. был назначен Яков Семенович Хавинсон, которому суждено было поработать на этом посту тридцать с половиной лет. Уже по этой причине он заслуживает отдельного разговора, тем более что незаурядная и колоритная личность Хавинсона, его роль как многолетнего руководителя журнала далеко не однозначно оценивались в ИМЭМО².

¹ Арбатов Георгий. Указ. соч. С. 112.

² Одни видели в нем масштабную личность, считали его первоклассным редактором; другим Я.С. Хавинсон представлялся в большей степени цензором, нежели редактором; одни считали его убежденным и нераскаявшимся сталинистом, а другие — типичным приспособленцем, всегда держащим «нос по ветру». Правда, все сходились в том, что Хавинсон — это крупная фигура, живой символ советской эпохи 20–70-х годов. Но самую неожиданную оценку Хавинсону в беседе с автором данной работы дал д.и.н. Л.Г. Истягин, его многолетний заместитель в редакции журнала. По мнению Истягина, Хавинсон политически сформировался не в 30-е, а в 20-е годы и в душе всегда был более социал-демократом, нежели коммунистом.

Яков Хавинсон родился в 1901 г. в Полтавской губернии в семье портного. С шестнадцати лет, как и многие его сверстники, Хавинсон был вовлечен в революционные события. В декабре 1918 г. он вступает в партию большевиков, работает агитатором в городке Гадяч Полтавской губернии, потом редактором уездной газеты «Известия».

В 1919—1920 гг. Хавинсон — зав. агитпропом укома РКП(б) г. Пугачевска Самарской губернии и одновременно ответственный редактор местной партийной газеты. Затем два года он работает в партийных органах Брянска.

В 1922 г. Хавинсон поступает на факультет общественных наук 1-го МГУ, но проучится всего три года, так как будет отозван с учебы и направлен в г. Свердловск (Екатеринбург) на должность старшего помощника областного прокурора. В Свердловске он проработает около полутора лет.

В самом конце 1926 г. Хавинсон вызван в Москву и назначен заведующим отделом партийной литературы Госиздата, где проработает около четырех лет.

В 1930 г. Хавинсон предпринимает еще одну попытку получить высшее образование. Он поступает на историко-партийный факультет Института красной профессуры, но успевает окончить только первый курс, так как в феврале 1932-го неожиданно получает высокое назначение в аппарат ЦК ВКП(б). В течение трех лет он заведует там сектором журналов и одновременно является заместителем заведующего культпропотдела ЦК ВКП(б). До конца жизни во всех анкетах Хавинсон вынужден будет признаваться, что у него незаконченное высшее образование.

Хавинсон участвовал в работе XVII съезда ВКП(б) с правом совещательного голоса. Наверное, он вытянул в жизни счастливый билет, так как не разделил печальной участи более чем половины участников «съезда победителей»: как известно, из 1 966 делегатов XVII съезда партии 1 108 человек по приказу Сталина были позднее арестованы и 848 — расстреляны.

В самом начале 1935 г. в карьере Хавинсона происходит очередной поворот. А.А. Жданов, назначенный Сталиным на место убитого в декабре 1934 г. С.М. Кирова, берет Хавинсона с собой в Ленинград на должность заведующего отделом агитации и пропаганды горкома партии. В Ленинграде Хавинсон, по занимаемой им должности, принимает участие в ждановской чистке ленинградских партийных и советских органов от «врагов народа».

Работа под непосредственным руководством Жданова была недолгой и, судя по всему, впоследствии не повредила Хавинсону в глазах главного недруга и соперника Жданова — Г.М. Маленкова.

В октябре 1936 г. Хавинсона отзывают в Москву, где он получает назначение на должность Первого заместителя, а в декабре 1939 г. — Ответственного руководителя ТАСС при Совнаркомех СССР (впоследствии эта должность будет называться — Генеральный директор ТАСС). Именно Хавинсон станет одним из составителей печально известного Сообщения ТАСС от 14 июня 1941 г., дезориентировавшего Красную Армию и весь народ накануне гитлеровского вторжения в СССР. Разумеется, этот документ писался по прямому заказу Сталина и Молотова, которые, скорее всего, его и редактировали.

В должности руководителя ТАСС Хавинсон проработает до июля 1943 г. О причинах его снятия с этого поста существует несколько версий. По одной из них, Хавинсон не смог перевести с английского письмо У. Черчилля, врученное Сталину на приеме в Кремле английским послом А.К. Керром. Сталин передал письмо оказавшемуся рядом Хавинсону и был крайне раздосадован, увидев, что ответственный руководитель ТАСС не в ладах с английским языком¹.

На следующий день Хавинсон был снят с занимаемого им высокого поста и сослан в «Правду» в качестве члена редколлегии и обозревателя по международным вопросам. Тогда-то на страницах главной партийной газеты и появился новый автор — М. Маринин, статьи которого всегда отличались идеологической безупречностью и острой антиимпериалистической направленностью. Со своим псевдонимом — М. Маринин — Я.С. Хавинсон не расставался до конца дней. Зная о злопамятности вождя, он вряд ли мог рассчитывать на дальнейшее продвижение по карьерной лестнице.

В самом начале 1953 г. Хавинсон оказался замешанным в темной, до конца не проясненной истории с подготовкой «добровольной» депортации советских евреев в районы Крайнего Севера². Этот план вызревал в голове Сталина со времен «дела ЕАК» и окончательно оформился в разгар «дела врачей». Организационной стороной готовившейся депортации, по свидетельству Н.А. Булганина, занимались Г.М. Маленков и М.А. Суслов³, а пропагандистское ее обеспечение возлагалось на группу особо доверенных евреев из числа номенклатурной интеллигенции (видные ученые, писатели, журналисты и т.д.). В состав «инициативной группы» был включен и Я.С. Хавинсон. Он принимал непосредственное участие в составлении письма в «Правду» представителей еврейской общественности с призывом к советским евреям добровольно ехать на освоение Крайнего Севера во искупление преступлений «врачей-предателей, шпионов и изменников, оказавшихся на службе американской и английской разведки, международного сионизма в лице подрывной организации Джойнт»⁴. По многим авторитетным свидетельствам, Я.С. Хавин-

¹ Впоследствии во всех анкетах Я.С. Хавинсон писал, что свободно владеет английским языком. Возможно, сталинский урок пошел ему впрок, и ведущий политический обозреватель «Правды» по международным вопросам М. Маринин выучил-таки английский.

² Некоторые отечественные историки сомневаются в наличии у Сталина такого замысла, но достаточно убедительных доводов при этом не приводят. Да и возможно ли отрицать очевидный факт начатой Сталиным в конце 40-х годов политики государственного антисемитизма — «дело ЕАК», «дело врачей» и т.д.? Если можно было без особых проблем депортировать чеченцев, ингушей, крымских татар и другие «народы-предатели», то что могло бы помешать Сталину сделать то же самое в отношении евреев?

³ Бывший глава правительства СССР рассказал об этом Я.Я. Этингеру в личной беседе, состоявшейся летом 1970 г. См.: *Этингер Я.Я.* Указ. соч. С. 106—107.

⁴ Один из вариантов этого письма был разыскан и опубликован д.и.н. Я.Я. Этингером. В письме, в частности, говорилось: «...Мы полностью одобряем справедливые меры партии и правительства, направленные на освоение евреями просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Лишь честным, самоотверженным трудом евреи смогут доказать

сон лично ходил по квартирам известных в стране людей еврейской национальности и предлагал им подписать письмо в «Правду»¹.

Сталинский план депортации евреев не был реализован в связи со смертью 5 марта 1953 г. его главного инициатора.

Смерть вождя открыла перед Хавинсоном новые возможности. В мае 1953 г. Яков Семенович становится инспектором ЦК КПСС, а уже в сентябре того же года его берет к себе в качестве помощника Г.М. Маленков, тогдашний Председатель Совета Министров СССР. По всей видимости, Маленков не придал значения недолгому сотрудничеству Хавинсона с покойным Ждановым. Как известно, все другие «ждановцы» пали жертвами репрессий по «ленинградскому делу» (1949—1950), сфабрикованному Маленковым.

На посту помощника главы правительства СССР Хавинсон пробудет до падения Маленкова в 1955 г., после чего он вернется в «Правду», на страницах которой вновь замелькает фамилия обозревателя М. Маринина, яростно разоблачавшего происки «поджигателей войны».

Когда в середине 1956 г. в аппарате ЦК КПСС решался вопрос о кандидатуре главного редактора журнала «МЭ и МО», то выбор сразу же пал на Хавинсона. Его активно поддержали отдел пропаганды и агитации и отдел науки ЦК КПСС, желавшие, по-видимому, как-то уравновесить влияние уже тогда замеченного в «буржуазном реформизме» Арзуманяна. В пользу Хавинсона высказался и считавшийся либералом тогдашний секретарь ЦК КПСС по идеологии Д.Т. Шепилов, хорошо знавший Якова Семеновича по совместной работе в «Правде»².

Наверное, определенную роль в назначении Хавинсона сыграла и его давняя дружба с Б.Н. Пономаревым, тогдашним заведующим Международным отделом ЦК КПСС, в недалеком будущем — секретарем ЦК, а затем и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Надо отметить, что возглавлявшийся Пономаревым Международный отдел, наряду с отделом социалистических стран, имел в аппарате ЦК либеральную репутацию, а сам Пономарев, выпестованный еще в 30-е годы в Коминтерне лично Георгием Димитровым, отличался от своих собратьев по Политбюро большей образованностью и широтой взглядов, во многом объясняемой постоянным общением с руководителями зарубежных компартий, такими, например, как Пальмиро Тольятти. Ближайшие сотрудники Пономарева (например, К.Н. Брутенц) свидетельствуют, что по крайней мере после XX съезда Борис Николаевич, в отличие от многих своих коллег по Секретариату ЦК и Политбюро, всегда твердо стоял на позициях антисталинизма.

Особые отношения с Пономаревым, сохранявшим влияние в советском политическом руководстве до середины 80-х годов, в решающей степени обеспе-

свою преданность Родине, великому и любимому товарищу Сталину и восстановить доброе имя евреев в глазах всего советского народа» // Там же. С. 122—123.

¹ Это письмо так и не было опубликовано в «Правде».

² Упомянувшееся письмо представителей советских евреев Хавинсон готовил под непосредственным руководством тогдашнего главного редактора «Правды», «либерала» Шепилова.

чат «непотопляемость» Хавинсона, который, со своей стороны, проявлял завидные маневренные способности. Он умел ладить не только с идеологическим начальством со Старой площади, но и с А.А. Арзуманяном, как впоследствии будет ладить с его преемниками — Н.Н. Иноземцевым и А.Н. Яковлевым. Как бы ни относились к Хавинсону прогрессивно мыслящие директора ИМЭМО, они, помимо прочего, не могли не учитывать и того важного обстоятельства, что в руководимом им журнале «МЭ и МО» за тридцать лет по существу не было ни одного идеологического «прокола», а это уже «дорогостояло». И лишь с приходом в ИМЭМО в 1985 г. академика Е.М. Примакова, совпавшим с началом горбачевской перестройки и провозглашением «нового политического мышления», престарелый Хав¹ в августе 1987 г. вынужден будет уступить редакторское кресло доктору исторических наук Герману Германовичу Дилигенскому, одному из ведущих отечественных политологов, выросшему в ИМЭМО.

Но вернемся во времена «хрущевской оттепели», когда создавался журнал «МЭ и МО».

Большую роль в этом играл А.А. Арзуманян, участвовавший в формировании редколлегии журнала и даже в подборе сотрудников редакции. Дело в том, что журнал всегда находился «на территории» Института, а сотрудники редакции состояли на партийном и комсомольском учете в ИМЭМО, хотя зарплату получали в Издательстве «Правда».

Я.С. Хавинсон, оказавшись по существу в коллективе ИМЭМО, сразу же ощутил разницу между царившей там академической свободой и суровыми «цековско-правдинскими» нравами. Он должен был считаться с этим и, надо сказать, сумел приспособиться к новым обстоятельствам.

Интересное суждение о Хавинсоне как о главном редакторе «МЭ и МО» высказывает профессор Д.Г. Томашевский, многолетний член редколлегии этого журнала:

«Я ничего не могу сказать о его предыдущей деятельности и тем более давать ей какие-то оценки. Но, тесно работая долгие годы с Хавинсоном в качестве члена редколлегии журнала и, выступая на его страницах как автор, должен сказать, что у меня к нему сохранилось глубокое уважение. Он, мне кажется, чувствовал все нюансы политической обстановки и в то же время проникся тем духом, который присутствовал в Институте. Он привлекал в журнал молодых, публиковал их статьи, может быть, и осторожничал иногда, но, во всяком случае, мне кажется, он сыграл положительную роль и в становлении журнала в организационном плане, и в политической направленности журнала. Это был не стандартный, не чисто партийный орган, а журнал, развивавший, по мере возможностей, новые течения, знакомил читателей с западными концепциями развития мировой экономики и международных отношений. Мне кажется, что если некоторые считали

¹ Хав — это прозвище прочно приклеилось к Я.С. Хавинсону с момента его появления в журнале; именно так его называли в разговорах между собой сотрудники редакции и ИМЭМО.

Хавинсона цензором, который их ограничивает, то это было необоснованное суждение. Другой на его месте, наверное, мог бы вести себя еще хуже. Но все-таки он шел на разработку и на публикацию каких-то новых идей. Я помню по некоторым моим статьям, что он мог изменить название статьи, но не вмешивался в ее содержание. И потом я помню, что на заседаниях редколлегии всегда проходили достаточно свободные обсуждения. Лично я никогда не сталкивался с такой позицией Хавинсона, за которую его можно было бы считать цензором или реакционером, хотя молодым могло что-то и не нравиться в его работе...»¹.

Совместными усилиями редакции и авторов, в большинстве своем научных сотрудников ИМЭМО, в июле 1957 г. 60-тысячным тиражом вышел первый номер журнала «Мировая экономика и международные отношения». О характере и направленности нового издания говорилось в передовой редакционной статье под заголовком «Наши задачи»:

«Наш журнал ставит своей целью освещение вопросов экономики и политики современного капитализма: проблем общего кризиса капитализма; явлений дальнейшего распада колониальной системы; экономической жизни капиталистических стран; конъюнктуры капиталистического хозяйства и динамики мирового капиталистического рынка; внутренней и внешней политики капиталистических государств и современных международных отношений; экономического положения и классовой борьбы рабочего класса и крестьянства капиталистических стран; национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран; состояния экономической науки за рубежом. Журнал будет освещать проблемы взаимоотношений двух мировых систем.

Журнал «Мировая экономика и международные отношения» рассчитан на научных работников, лекторов и преподавателей, студентов и аспирантов, широкий партийный актив и советскую интеллигенцию. На его страницах будут публиковаться теоретические статьи и обзоры, справочные материалы и статистические данные, обзоры и рецензии на иностранные книги, журналы и газеты, экономические и политические заметки, хроника научной жизни. К участию в журнале привлекаются советские и иностранные ученые и общественные деятели.

Редакция приглашает всех деятелей науки, журналистов, практических работников, занимающихся международными проблемами, принять активное участие в журнале. Редакция будет весьма признательна всем читателям журнала за конкретные замечания, пожелания и советы, полезные для дальнейшей работы журнала»².

¹ Запись беседы с Д.Г. Томашевским 2 апреля 2002 г.

² Мировая экономика и международные отношения (далее везде: МЭ и МО. — П.Ч.). 1957, № 1. С. 5–6.

В первом номере «МЭ и МО» со статьями выступили ведущие ученые ИМЭМО — И. Трахтенберг («Инфляция и напряженность кредитно-денежной системы США»), И. Лемин («Англия после Суэцкого кризиса»), И. Блюмин и И. Дворкин («Современная буржуазная политическая экономия и ревизионизм»). С первыми своими публикациями здесь же выступили молодые ученые — Г. Скоров («Евразия — план неокOLONIALИЗМА»), В. Размеров («Атомная программа Западной Германии»), Ю. Рубинский («Проекты конституционной реформы во Франции»), Я. Этингер¹ («Западногерманская экспансия в слабообразованные страны») и др.

В первом же номере было положено начало вызывавшим непреходящий с годами интерес регулярным публикациям конъюнктурных обзоров «Экономическое положение капиталистических стран», которые позднее стали выходить в виде приложения к журналу.

Не меньшим спросом у читателей будет пользоваться другое регулярное приложение — «Текущие проблемы мировой политики». В написании этих первых обзоров принимали участие В. Гантман, А. Галкин, Г. Мирский, С. Микоян, Ю. (Георгий) Арбатов, Е. Примаков и др., тогда еще начинающие международники. Любопытно, что эти обзоры с интересом читались не только в Советском Союзе, особенно на его безбрежной «периферии», что понятно, но и в советских посольствах за рубежом, о чем свидетельствуют благодарственные письма, получаемые оттуда А.А. Арзуманяном. Эти письма с пожеланиями высокопоставленных советских дипломатов сделать обзоры международного положения хотя бы ежеквартальными (а не полугодовыми, как это было в самом начале) хранятся в Личном фонде А.А. Арзуманяна в Архиве РАН. Они свидетельствуют и о другом — о слабой информационно-аналитической осведомленности в области мировой политики даже тех, кто призван был проводить в жизнь советскую внешнюю политику. Безусловно, это было важным стимулом для Арзуманяна в развертывании научных исследований в возглавляемом им Институте.

Можно с полным основанием предположить, что не меньший интерес материалы, публиковавшиеся в «МЭ и МО», вызывали и у зарубежного читателя, прежде всего у иностранных дипломатов в Москве.

¹ Статья Этингера была опубликована под псевдонимом Я. Яковлев. Вот что пишет по этому поводу сам Этингер: *«Хорошо помню реакцию Я.С. Хавинсона, когда я предложил для первого номера журнала... небольшую статью о политике ФРГ в отношении развивающихся стран. Ему очень не хотелось ее опубликовать под моей фамилией, которая, несомненно, в течение многих лет вызывала у него неприятные воспоминания о его позорном участии в подготовке письма с требованием казни "врачей-убийц" и создавала дискомфортное состояние. И этот сталинский прислужник принял "мудрое" решение — опубликовать мою статью под псевдонимом Я. Яковлев. Он и в последующие годы всячески пытался препятствовать мне выступать на страницах руководимого им журнала, публикуя статьи других авторов, причем не из числа сотрудников ИМЭМО, на темы, которыми я занимался» // Этингер Я.Я. Указ. соч. С. 218.*

Время от времени на страницах журнала выступал А.И. Микоян¹, ближайший соратник Н.С. Хрущева, что само по себе поднимало престиж этого издания в глазах читающей чиновной публики. И, разумеется, постоянным автором журнала был директор ИМЭМО А.А. Арзуманян.

О том, как начиналась работа редакционного коллектива «МЭ и МО», о его первых сотрудниках, о царивших в редакции нравах можно судить, в частности, по рассказу С.А. Микояна, работавшего в журнале с марта 1957 г. до весны 1960-го.

Из неопубликованных воспоминаний С.А. Микояна:

«Я работал в Отделе развивающихся стран, которым руководил замечательный человек и опытный редактор Александр Васильевич Датлин, африканист. Нас было двое в отделе. А в комнате шестеро: Владимир Израилевич Гантман, выпускник Института внешней торговли, Лиля Зарина, скромная девушка, стеснявшаяся шуток и анекдотов Гантмана, порой фривольных. У него в Отделе экономики младшим редактором был Васильев, очень приятный, трудолюбивый человек. Вскоре появился и Гегалий Вениаминович Кацман, занимавшийся рабочим движением. Интеллигентный, эрудированный, умный человек. Потом пришли Леня Баграмов, Борис Лихачев, Сережа Татищев.

Главным редактором был Яков Семенович Хавинсон, до того обозреватель «Правды» под псевдонимом М. Маринин, а до того — преемник К. Уманского на посту Генерального директора ТАСС.

В первый же день Датлин сказал, что он будет редактировать статьи, а я — небольшие заметки. Он сел рядом со мной и отредактировал одну из заметок на моих глазах, объясняя мне каждое сокращение или изменение. «Вот это — повтор, а здесь автор уходит от темы. А это — неудачный оборот с точки зрения русского языка». И так далее. Он повторил наше занятие на следующий день.

Прочитав заметки после моего редактирования, он сказал: «Больше мне вас нечему учить. Вы уже очень хорошо освоили процесс редактирования».

Мне было очень приятно это слышать. Я и сам чувствовал, что могу делать квалифицированно все сам — пока в пределах небольших заметок. А их писали начинающие тогда Юра Мирский, Рубен Андреасян, Елена Брагина, Рачик Аваков, Саша Солоницкий, Яша Этингер и другие. Все они, что называется, «прошли через мои руки». Вскоре Датлин стал давать мне и большие статьи. Одну из них написал Штаталин. Я скрупулезно оставлял все необходимое, сокращая по словам, по фразам: статья была хорошая, но должна была влезть в параметры 20 страниц. Из приемной директора, при мне, не зная, кто и что я, он позвонил жене и сказал, в числе прочего: «Меня

¹ См. например: Интервью А.И. Микояна, данное группе американских студентов для телевизионной программы «Молодежь желает знать» 25 июля 1958 года // МЭ и МО, 1958, № 9; Микоян А. О некоторых вопросах международной торговли // МЭ и МО, 1960, № 6.

тут кто-то так искусно отредактировал, что сократил почти шесть страниц, оставив в целости все, что я хотел сказать. А ведь я гумал, и тебе говорил, что никакое сокращение невозможно».

Но Датлину пришлось преподать мне еще один урок. В это время бушевали страсти вокруг поэта Б. Пастернака и его «Доктора Жеваго». Я сказал нечто не очень уважительное о романе, хотя лишь пролистал его в течение минут пятнадцати. Датлин помолчал и неожиданно прочитал вслух замечательные стихи, которых я раньше не знал. «Вот что такое Пастернак. С такими людьми нельзя обращаться как с подчиненными чиновниками. К ним нужен особый подход, ведь великие поэты — не обычные люди» — сказал он очень просто, но убедительно.

Работа с Гантманом была тоже хорошей школой для меня — он пришел из журнала «News», пропагандистского журнала, вскоре прекратившего существование. Он иногда давал мне прочитать экономическую статью, а когда я хвалил ее стиль, добавлял: «Ее надо немного подвесить, чтобы стекла вода. И усохла бы немного». Датлин его уважал и потому я доверял его суждениям.

Гантман был прекрасным оратором. Нет, он не «зажигал» массы. Но обладал необыкновенной способностью говорить настолько грамотно и правильно, что, как отмечал Датлин, мог бы диктовать статьи прямо наборщику в типографии. Гантман любил юмор, прекрасно им владел, был очень интересным собеседником. Нас потешало, как он боролся за то, чтобы ликвидировать свой изрядный живот. «Серго, вы не поверите, но когда я был студентом Института внешней торговли, я был таким же худым, как вы», — говорил он, а Датлин замечал: «С той разницей, что Серго таким и остался». Гантман не ходил с нами на обед в столовую. Но часам к четырем не выдерживал, шел в буфет, покупал огромную булку и поглощал ее прямо на своем рабочем месте. Лиля Зарина сочувствовала ему, но убеждала, что такая булка гораздо хуже для фигуры, чем салат, коплетки и компот, предлагаемые в столовой. Гантман вспоминал, как А.И. Микоян приходил на все выпускные вечера в Институте внешней торговли МВТ СССР и как просто беседовал со студентами. Уйдя в дальнейшем в ИМЭМО, Гантман возглавил сектор прогнозирования международных отношений, над чем я открыто иронизировал, считая проблематику сектора надуманной, хотя и модной. Он отшучивался. К несчастью, Владимир Израилевич рано ушел из жизни.

Леня Баграмов был моим однокурсником. Он был способным и умным человеком. Насколько я помню из всего нашего курса набора 1947 г., — а на нем было около 300 человек! — он еще будучи студентом только один опубликовал статью в серьезном научном журнале. Конечно, он был вполне готов к роли редактора Отдела США. В дальнейшем он работал от «Сельскохозяйственной газеты» в Англии и в Канаде. В Лондоне в 1961 г. он угощал меня шашлыком в крошечном дворике своей типичной для Англии трехэтажной квартиры, где на каждом этаже по одной комнате. Позже его взял Юра Арбатов на заведующего отделом Канады — Институт США как раз тогда

добавил Канаду в свое название. К несчастью, слишком рано его скосила неизлечимая болезнь. Это был очень хороший человек.

Хавинсон был среди нас наиболее опытным, конечно, но он не склонен был обучать молодежь. Характер у него был неровный. То он ласково обращался к любому из нас на «ты». То извергал молнии или убивал презрением. Иногда, приходя на работу, шел вытянувшись во весь свой высокий рост по коридору 2-го этажа на Китайском проезде, дом 7 (куда ИМЭМО переехал с Новоостановской), подняв высоко голову и никого не видя. То мило здоровался с каждым, кто попался на глаза. Гантман его разоблачал: «Как только Шепилов (тогда — Министр иностранных дел СССР) вызывает его к себе или берет с собой в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, мы для него — насекомые. Зато, когда у него не все ладно, он с нами дружит». В таком суровом суждении было некоторое преувеличение. Неровность характера и натянутые нервы были следствием длительной работы Якова Семеновича под прицелом тех, кто сравнительно недавно могли его уничтожить в любую минуту...

Как главный редактор, Хавинсон носил на себе все отпечатки своего времени. Пуще всего боялся новых мыслей. А если они ему лично все же нравились, он долго бился, как бы сказать что-то, но не подставиться. Уж он-то знал нравы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС!

Слова Арзуманяна были для него тоже законом, хотя Анушаван Агафонович никогда ему не приказывал, а обсуждал свои предложения, проявляя максимум внимания и уважения. А звонки из ЦК вызывали у него просто благоговейный трепет. Года через три он нас сильно позабавил: наш Сережа Татищев, пройдя через Высшую партийную школу, оказался инструктором в ЦК. Человек он был хороший, но когда был в редакции, то не снискал славы обладателя высокого интеллекта, мы над ним дружески подшучивали. Все к нему относились слегка иронически, а Яков Семенович порой его просто третировал. И вот однажды он вызывает Гантмана и говорит: «Срочное задание из ЦК». И объясняет. Через пару часов вызывает опять. Задание, конечно, еще не выполнено. Хавинсон кричит: «Вы что, не понимаете, что звонил товарищ Татищев! Срочно выполняйте, чтобы я мог ему доложить».

Кроме того, Яков Семенович, когда был не в настроении, любил ставить нас в тупик. Например, вызывал меня, возвращал статью с резолюцией: «Углубить, остерженить, заострить». А по тексту на полях местами оставая волнистые линии, которые что-то, возможно, и означали. Что именно — оставалось неясным. Никто в нашей комнате не мог мне объяснить, что делать. Только многоопытный Датлин сказал однажды: «Попробуйте перефразировать начало и конец, сделайте ничего не значащую стилевую «вкусовую» правку по тексту там, где волнистые линии. Еще лучше: вычеркните три-четыре не очень обязательные фразы. И покажите шефу». Как ни странно, шеф сказал: «Вот теперь совсем другое дело. Ведь можете, если хотите!».

Самоуверенного Гантмана он понимал тем, что порой вызывал к себе в кабинет после прочтения каждой страницы глинной статьи. Так, Гант-

ману приходилось по вызову зав. редакцией Шуры Петренко бегать в кабинет шефа 15—20 раз подряд. Наконец, Владимир Израилевич возмущенно сказал: «Яков Семенович, будьте любезны, прочитайте всю статью и вызовите меня после этого один раз, иначе я не могу работать над другими статьями». Шеф мгновенно успокаивался, когда подчиненный взрывался, не выдерживая приступов его порой проявляющегося самодурства.

И все же, Яков Семенович был неплохой человек. Трогательно он рассказывал о своей жене, видном докторе медицинских наук. О сыне, о его семье. После снятия Шепилова Хавинсон стал гораздо человечнее и мягче в обращении. Когда он переходил на «ты» обращаясь ко мне, я понимал, что этим выражались его искренние симпатии и доброе расположение.

Через какое-то время Институт и редакция перебрались на 2-ую Ярославскую улицу, к ВДНХ. Среди заместителей Хавинсона в разное время побывали там, помнится, Иван Иванов, Валентин Зорин (последний, человек очень самолюбивый и даже обидчивый, конечно, не смог сработаться с капризным Хавинсоном), сын академика Островитянова, Игорь Соколов (до этого и после — консультант в аппарате ЦК КПСС), Лев Степанов. По характеру очень прямой и откровенный, иной раз в грубоватой форме, но без злости к человеку. Тоже, кстати, работал консультантом в ЦК и в Праге в журнале «Проблемы мира и социализма»¹.

Такова, по свидетельству С.А. Микояна, была обстановка в журнале в начальный период его существования.

Регулярное чтение журнала привело в ИМЭМО целый ряд крупных в будущем ученых-международников, например, М.М. Максимову, которая во второй половине 50-х годов проживала с мужем-торгпредом в ФРГ и имела возможность читать получаемый советским торгпредством в Бонне журнал «МЭ и МО». Именно знакомство с этим журналом побудило Максимову по возвращении из Западной Германии в 1961 г. искать возможности для устройства на работу в ИМЭМО.

При всей его крайней осторожности и строгой идеологической направленности журнал «МЭ и МО» своей информационной насыщенностью выделялся на фоне безликой советской политической прессы. Даже созданный в 1954 г. Л.Ф. Ильичевым² журнал «Международная жизнь», считавшийся официозом МИДа, не говоря уже о «Новом времени», уступал «МЭ и МО» по широте проблематики и уровню анализа освещаемых вопросов.

«МЭ и МО» стал поистине «лучом света» в «темном царстве» советской экономической мысли, особенно для провинциальных университетов и пединституты, где тон задавали догматики-сталинисты. Самыми преданными читателями журнала (как и всей печатной продукции ИМЭМО) с первых его номеров стали студенты, аспиранты и молодые преподаватели кафедр полит-

¹ Микоян С.А. Указ. соч. С. 5—9.

² Тогдашний заведующий отделом печати МИД СССР, позднее секретарь ЦК КПСС по идеологии, академик АН СССР, а после падения Хрущева заместитель министра иностранных дел.

Сотрудники редакции журнала «МЭ и МО». В последнем ряду слева — Яков Семенович Хавинсон, главный редактор журнала. Середина 60-х гг.

экономии, всеобщей, новой и новейшей истории в провинциальных вузах, искавшие ответы на интересовавшие их профессиональные и общеполитические вопросы. Со временем наиболее способные и энергичные провинциалы пополняют (через аспирантуру, докторантуру и по другим каналам) ряды ведущих научных сотрудников ИМЭМО, значительно усилив его интеллектуальный потенциал.

А.А. Арзуманян, много ездивший по стране, видел живой интерес к проблематике ИМЭМО и всеми силами старался поднять уровень институтских научных публикаций, в том числе и в журнале, где он был ведущим членом редколлегии.

Со своей стороны, постоянный интерес к работе журнала «МЭ и МО» проявляли и приглядывавшие за ним чиновники из аппарата ЦК КПСС. Отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС регулярно заслушивал отчеты Я.С. Хавинсона о деятельности доверенного ему «партийного издания». Чаще его хвалили, иногда журили, но всегда настоятельно советовали в большей степени обращать внимание в публикуемых материалах на негативные аспекты в развитии современного капитализма. В качестве примера «товарищеской критики» можно процитировать выдержку из справки отдела науки, вузов и школ, представленной в Секретариат ЦК КПСС по результатам проверки работы журнала «МЭ и МО» в апреле 1961 г. В ней, в частности, говорилось:

«Журнал проявляет робость в освещении и анализе двух тенденций капиталистической экономики — процессов застоя и загнивания и отдельных явлений роста и технического прогресса (здесь и в других местах курсив мой. — П.Ч.). На страницах журнала не находят должного освещения такие вопросы как сущность государственно-монополистического капитализма, неравномерность развития капиталистических стран

на современном этапе, особенности *паразитизма и загнивания современного капитализма*, проблемы цикла и экономических кризисов, *усиление эксплуатации трудящихся масс в результате автоматизации производства*, вопросы рабочего и коммунистического движения.

В журнале слабо работает редколлегия как коллективный орган научного журнала, нет четкого планирования материала, публикуемого в очередных номерах журнала.

Главный редактор журнала т. Хавинсон недостаточно занимается вопросами руководства редколлекцией и работой отделов редакции журнала»¹.

Справка датирована 26 апреля 1961 г. Она была подписана зам. зав. отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС Д. Кукиным и зав. сектором К. Кузнецовой.

Хавинсон, как главный редактор, вынужден был постоянно маневрировать между жесткими установками, поступавшими из аппарата ЦК, и более широкими взглядами Арзуманяна на проблематику и подачу публикуемых в журнале материалов. И ему, как правило, это удавалось. Со временем под влиянием Арзуманяна, а затем и Иноземцева журнал «МЭ и МО» становился все более содержательным изданием и привлекал к себе растущее внимание многочисленных читателей в СССР и за рубежом.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 173. Л. 20—21. В отделе науки ЦК, видимо, не успели еще забыть прежней дружбы Хавинсона с низвергнутым Шепиловым и потому не отказывали себе в удовольствии лишний раз уколоть Хава.